

ПОЛИНА ЛУГОВЦОВА

ЛИХОМОРЬЕ

VIVENS LUX

16+

Полина ЛУГОВЦОВА

Лихоморье. Vivens lux

«Автор»

2022

Луговцова П.

Лихоморье. Vivens lux / П. Луговцова — «Автор», 2022

Тильда поступает в престижный вуз, но оказывается в его странном филиале. Едва переступив порог этого заведения, она проваливается в огненную пропасть, но ее спасает парень, появившийся из огня. Он - пропавший год назад студент по имени Вольга. Все это время он провел в потустороннем мире и не помнит, что там с ним произошло. Дар, которым обладал Вольга до исчезновения, изменился и сделал его опасным. В вузе заговорили о том, что Вольга перевоплотился в демона. В надежде выяснить причину произошедших с ним изменений и узнать, можно ли все исправить, Вольга снова отправляется за Барьер, разделяющий миры, а вместе с ним и Тильда, но уже с другой целью. В вузе происходят ужасные события: убивают работника и похищают студентку. Тильда узнает, что злоумышленники, совершившие эти преступления, собираются устроить всемирную катастрофу, используя дар похищенной девушки, с помощью которого можно разбудить все вулканы на Земле. Третья книга из серии "Лихоморье", можно читать отдельно.

© Луговцова П., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1. Собрание	5
2. Мечта, да не та	12
3. Лунная ведьма	20
4. Каменный великан	27
5. Сила могилы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Полина Луговцова

Лихоморье. Vivens lux

1. Собрание

Низкое северное небо в редких бисеринках звезд нависало бархатным покрывалом над привокзальной площадью, многолюдной, несмотря на поздний ночной час: пассажиры только что прибывшего экспресса «Allegro» сообщением Санкт-Петербург – Хельсинки гурьбой валили из здания вокзала. Некоторые отходили в сторону и рассеянно озирались в поисках встречавших, другие скользили любопытным взглядом по каменным фасадам зданий напротив, но большинство с сосредоточенным видом направлялись к стоянке такси и автобусов, спеша добраться до конечной точки своего маршрута. Кое-кто шел дальше пешком, пересекая площадь. Правда, таких было всего двое, – худощавый мужчина с резкими, как будто даже нервными движениями, и женщина с уверенной грациозной походкой. Вероятно, до пункта их назначения оставалось недалеко, поэтому они и не воспользовались транспортом.

В самом деле, достигнув здания музея, расположенного на противоположной стороне площади, они двинулись вдоль фасада, свернули за угол и через десяток метров остановились. В руках женщины вспыхнул экран смартфона. Ее длинные тонкие пальцы с острыми ногтями нездорового зеленоватого цвета пробежались по нему, набирая сообщение, а через пару минут в стене музея распахнулась не приметная дверца, скрытая в тени. Совсем не по-джентльменски опередив спутницу, мужчина ринулся в дверной проем, как на пожар, но споткнулся на пороге и по инерции пробежал вперед, громко топая. Женщина возмущенно фыркнула, сердито прошипела какое-то ругательство и юркнула следом, оглянувшись перед тем, как закрыть за собой дверь. Взгляд по-лисий узких, изящной формы глаз метнулся в одну сторону, потом в другую, и дверь беззвучно примкнула к стене, да так, что не осталось ни малейшего намека на ее существование: декор дверного полотна идеально имитировал камень, из которого было сложено все здание.

Вошедших встречал грузный курносый мужчина средних лет с вихрастой шевелюрой цвета жженого кирпича. Он улыбнулся, и его круглые рябые щеки собрались в крупные складки, напоминая гармошку, однако это не стерло печального выражения с его лица.

– До-д-добро по-п-пожаловать в Атенеум, п-пани Божена! – произнес он на ломаном русском, чудовищно коверкая слова и заикаясь.

– Доброй ночи, Руубен Мякинен. Сто лет не виделись! – ответила гостя, одной рукой обнимая его за полные плечи, а другой сбрасывая со своей головы капюшон дорожного плаща. Ее светлые выющиеся волосы веером рассыпались за спиной.

– Д-да, вы з-знаете, я успел д-даже латынь подз-забыть, – отозвался тот виновато.

– Не утруждайтесь, говорите на родном! – Она снисходительно улыбнулась. – С некоторых пор я владею всеми языками, и, между прочим, не только человеческими.

– А ваш с-спутник?

– И он тоже.

– Ну и прекрасно! – Мужчина перешел на финский, сразу перестав заикаться, и в круглых, слегка навывкате, светлых глазах промелькнуло облегчение: он очень боялся рассердить эту даму, уже испытав на себе ее гнев в прошлом, да к тому же относился к категории людей, которые стараются никогда никого не сердить. Пускай Руубен Мякинен и был довольно неуклюж в движении, зато его умению общаться позавидовал бы самый искусный дипломат: он подстраивался под собеседника, как ручей под особенности ландшафта, огибающий любую преграду или просачивающийся под ней. С Божейной Блаватской Руубен встречался всего

несколько раз в жизни, хотя с момента их знакомства прошло более ста лет: впервые основательница общества этерноктов посетила Атенеум в начале девятисотых, как раз, когда на смену «золотому веку» финского искусства пришел модерн, и музей наводнился новыми картинами. Руубен работал в этом музее со дня открытия, и на сегодняшний день его возраст приближался к внушительной дате в сто семьдесят лет. Благодаря Божене Блаватской, научившей его добывать недожиток, он перестал стареть после сорока пяти. Во избежание пересудов Руубену приходилось красить волосы в пепельный цвет, под седину, и натирать лицо дешевым хозяйственным мылом, отчего кожа становилась сухой и морщинистой. Но, несмотря на все эти ухищрения, коллеги то и дело отпускали шуточки в его адрес по поводу того, что он наверняка скрывает от всех секрет вечной молодости. Они проводили его на пенсию, а потом вновь приняли в свой коллектив, но уже как другого человека, так и не узнав в нем бывшего сослуживца: Руубен вернулся с новым именем и сильно измененной внешностью, превратившись из подслеповатого и тугого на ухо старика в важного господина с пышными усами, как у Галлена-Каллелы, его любимого художника-реалиста, работы которого украшали залы музея. Усы иногда отклеивались, заставляя Руубена нервничать и все время быть начеку, поэтому после очередного ухода на пенсию он решил отказаться от какой бы то ни было бутафории на лице и вновь устроился на работу в музей, оставшись в своем настоящем облике. Руубен был уверен, что никто из коллег не узнает его, потому что все, кто был способен на это, давно ушли на заслуженный отдых или же на тот свет. Со дня основания музея штат работников несколько раз полностью сменился, и не осталось никого, кто знал бы о существовании потайной дверцы, предназначенной для особенных гостей, таких, как Божена Блаватская и ее спутник. Последнего, кстати сказать, Руубен видел впервые, и тот совсем ему не понравился, – до крайности нервный тип, не способный спокойно устоять на месте и дрыгающий конечностями, как марионетка в руках кукловода, охваченного лихорадкой.

– Это Марк, – сообщила Божена, заметив заинтересованный взгляд Руубена, и добавила после паузы. – Единственный выживший из группы, работавшей в Сибири последние три года. Мы с ним спаслись лишь чудом. Проклятые люцифлюсы!

– Ох! – только и вымолвил Руубен, вздрагивая всем своим грузным телом. Теперь ему стали понятны причины нервного поведения спутника Божены. В обществе этерноктов ходили слухи, что встреча с люцифлюсами означала верную смерть, поэтому никто из ныне живущих соратников Руубена не знал, каким способом убивают эти существа. Погибших от их воздействия находили обугленными, причем одежда на трупах оказывалась почти неповрежденной. Такая смерть ужасала этерноктов даже больше, чем мучительное сгнивание заживо из-за нехватки недожитка. Подумав об этом чудодейственном веществе, финн непроизвольно прикоснулся к груди и нащупал под тканью рубашки небольшую выпуклость – крошечный флакончик с серебристым порошком, висевший на золотой цепочке.

Спутник Божены тотчас среагировал на это движение: дернулся и замер, как охотничий пес в стойке. Блаватская тоже оживилась, шагнула ближе, протягивая дрожащую руку. Красноватый свет свечного фонаря, висевшего на стене у лестницы, упал на лицо гостя, и Руубен ужаснулся, заметив, как она подурнела с момента их последней встречи. Сетка почерневших сосудов отчетливо проступала под полупрозрачной бледной кожей, напоминая морщины, отчего Божена казалась глубокой старухой.

– Отлично выглядите, Руубен Мякинен! – сказала она и вдруг больно ущипнула его за щеку, а затем накрыла своей холодной ладонью его кулак, притиснутый к груди вместе с заветным флакончиком. – Вижу, мое средство идет вам на пользу, – вкрадчиво добавила наставница. – Не поделитесь ли с нами? – Ее зеленые глаза хищно сверкнули.

От неожиданности финн охнул, крепко сжал флакон и пробормотал неуверенно:

– Это все, что у меня осталось.

– Ну что же вы так! Совсем не имеете запасов?! – разочарованно и злобно воскликнула Блаватская. – Не ожидала от вас подобной беспечности!

– Но... я не виноват... мой Пункки совсем плох, ему недолго осталось. Я надеялся обзавестись новым кадавером, половчее. У меня и кандидатура есть подходящая. Вы же привезли с собой чемодан-портал? – Руубен окинул растерянным взглядом багаж гостей – два новеньких пластиковых кейса черного цвета, на колесиках, с выдвижными ручками и глянцевыми корпусами. Обычно Божена привозила устройство для перемещения в потусторонний мир в старом обшарпанном бауле. Неужели в этот раз она приехала без него? «Нет-нет, вряд ли такое возможно, – успокоил себя Руубен. – Скорее всего, она просто решила переместить портал в более презентабельную оболочку».

– Портала больше нет! – резким тоном заявила Блаватская, мгновенно разрушив его надежду.

Финн снова охнул, уже в третий раз за последние несколько минут. Давно на него не сваливалось столько плохих новостей одновременно. Он так растерялся, что даже не среагировал, когда Божена одним махом сняла с него цепочку, перекинув ее через голову, и флакон с недожитком выскользнул из его вспотевшей ладони. Открутив колпачок, наставница припнула носом к горлышку, и чудодейственная пыль вихрем поднялась со дна флакона. Сделав глубокий вдох, Блаватская передала склянку своему спутнику, пожирившему ее безумным взглядом. Марк жадно втянул в себя все, что оставалось, и блаженно прикрыл глаза.

Когда опустевший флакон вернулся к Руубену, он охнул в четвертый раз и часто заморгал.

– Ну, долго ли еще нам топтаться у порога? – Усталый голос наставницы вывел финна из ступора.

Тоскливо вздохнув, он повесил цепочку на шею, снял со стены свечной фонарь, задул огонек и включил дежурное освещение, – Божена запрещала пользоваться электрическим светом за сутки до ее приезда, утверждая, что из-за него возникают перебои в работе портала, но в этот раз предосторожности оказались излишними. Портала больше нет, – так она сказала. Недожитка тоже больше нет. От предчувствия скорой кончины у Руубена затряслись поджилки. Оставалась слабая надежда на то, что Пункки добудет еще немного порошка, прежде чем испустит дух. А что потом? Демон, прикованный к нему мертвоцепью, сбежит на ближайшее кладбище вместе с мертвым телом Пункки! Даже если бы Руубен мог воспрепятствовать его побегу, в этом не было никакого смысла: демон больше не отдаст недожиток, потому что для такого процесса необходим живой человек, способный исторгнуть из себя ценное вещество. А перековать демона к другому кадаверу под силу лишь меркаторам из потустороннего мира, которые ловят демонов и накладывают на них заклятья. Только в тот мир без портала никак не проникнуть, а значит, конец всему.

– Не унывайте, дружище! – послышался за спиной голос нахальной гостьи, лишившей Руубена последнего запаса порошка, продлевающего жизнь. – Вместе мы что-нибудь придумаем. Вы ведь пригласили всех, кого я просила?

– Конечно, пани Божена. Они давно здесь и ждут вас, – ответил финн и, собравшись с духом, заявил, тщательно сдерживая негодование: – Боюсь, они огорчатся, узнав, что вы приехали без своего устройства.

– Ничего. Это не единственный способ перейти в иной мир. Существуют естественные, природные порталы. Нам только нужно будет найти подходящий, не охраняемый люцифлюсами. Вы ведь сказали Карлу, чтобы он захватил карты?

– Он привез их, – подтвердил Руубен, не в силах скрыть разочарование. Карты! Если вся надежда только на них, то надежды, можно сказать, и вовсе нет. Искать портал по картам, составленным сотни лет тому назад, да еще наверняка с огромными погрешностями, можно бесконечно долго, а времени на это почти не осталось.

Руубен повел гостей по скрытому в стене потайному коридору, предназначенному только для посвященных. В узком проходе финну приходилось прижимать локти к круглым бокам, и он в очередной раз корил себя за то, что не попросил сделать коридор пошире, хотя такая возможность у него была: для ремонта музея в начале девятисотых привлекли строительную фирму, выбранную Блаватской, имевшей большие связи в высоких кругах по всему миру. Эта особа отличалась нездоровой подозрительностью, граничащей с паранойей, и позаботилась о том, чтобы впоследствии не осталось никаких следов произведенного «ремонта» – все документы исчезли вместе с фирмой и людьми. Блаватская была дьявольски хитра и жестока. Жаль, что Руубен понял это слишком поздно, иначе тысячу раз подумал бы, прежде чем связываться с ней. Конечно, избежав сотрудничества с Боженой, он давно бы сгнил в могиле, но иногда ему казалось, что обычная смерть менее страшна, чем возможная расплата за полученные привилегии. Руубен понимал: стоит только дать слабину, и тьма, дарующая ему силу, вмиг пережует его и выплюнет в одну из своих многочисленных сточных канав, представляющих собой различные вариации человеческого ада.

Блаватская шла сзади и почти дышала в затылок финну. Тот вдруг перепугался, что она может прочесть его мысли, и постарался отогнать их подальше, сосредоточившись на предстоящем собрании.

Вскоре они вошли в просторный зал, наполненный шорохами и шепотом. В полумраке маячили бледные лица этерноктов, на стенах дрожали тени от пламени свечных светильников. Взгляды устремились к вошедшим. Кто-то робко произнес:

– Эт ноктем...

Все остальные точас подхватили его, громогласно закончив фразу:

– Эссе этерна!

– Эт ноктем эссе этерна! – вторила им Блаватская, входя и вскидывая вверх правую руку. – Этерна нокте! – Добавила она, стремительно прошла к свободному месту в центре стола, вокруг которого в ожидании стояли члены общества, и жестом позволила им сесть.

Оставался всего один свободный стул, и Руубен на мгновение растерялся – он не ожидал, что Блаватская заявится с гостем, обычно она приезжала одна. А в этот раз, договариваясь о встрече, Божена удивила его, распорядившись установить в зале для совещаний стол, и при этом попросила не натягивать экран для перемещения в потусторонний мир. Теперь стало понятно, что причина заключалась в исчезновении портала, но Руубену не терпелось узнать подробности.

Спутник Божены, Марк, оставил багаж у входа и уселся на последнее свободное место за столом, не дожидаясь, когда ему это предложат. Финн со вздохом подхватил оба кейса и отнес их в соседнее помещение, где хранились всякие нужные для деятельности общества вещи, которые охранял живущий там Пункки, его личный кадавер, служивший ему с преданностью старого пса, готового на все ради хозяина, но уже почти ни на что не способного.

Пункки даже спал по-собачьи, на полу, уткнувшись лбом в свои угловатые колени. Услышав шаги, он вскинул голову и глухо заворчал, присматриваясь к вошедшему подслеповатыми бесцветными глазами. Руубен почувствовал неприятный холодок в области затылка. Кадавер с каждым днем все больше походил на дикое животное. Еще немного, и человеческий разум угаснет в нем вместе с жизнью, а тело перейдет под власть демона, прикованного к нему, и Руубен уже не сможет управлять своим помощником. Но пока это был все еще его Пункки, и Руубен велел ему отнести в зал совещаний недостающий стул. Захрустев суставами, кадавер безмолвно поднялся с мягкого коврика, проковылял к нагромождению стульев у противоположной стены и с легкостью подхватив один из них, стремительно вышел за дверь. Отощавший и сгорбленный, он двигался на удивление резво, и силы в нем было хоть отбавляй, но именно эта сила его и убивала: демон не щадил хилое тело Пункки, заставляя выполнять сверхъестественные для человека вещи, и тем самым истощал его физические ресурсы.

Из зала донесся голос Божены, и Руубен заторопился, боясь пропустить что-нибудь важное, но его взгляд непроизвольно остановился на картине, висевшей на стене и выглядевшей в этой каморке совершенно неуместно: никто ведь обычно не украшает стены в складских помещениях. Картина и не была украшением, а просто хранилась здесь, как и остальные вещи, но у Руубена рука не поднималась спрятать этот шедевр с глаз долой, хотя он и внушал ему страх. Меркатор, который продал Руубену эту картину на ярмарке в Лихоморье несколько лет назад, предупреждал, что использовать ее нужно с осторожностью. Якобы, художник изобразил на холсте нечто ужасное, но потом сам испугался своего творения и закрасил все одним цветом, а сверху написал горный пейзаж. Однако, утверждал меркатор, если долго разглядывать детали картины, то сокрытый ужас проступит сквозь слой краски и может свести человека с ума или вызвать желание умереть. По словам меркатора, рукой художника управляла могущественная и очень древняя ведьма. Она заставила его изобразить ее портрет и позволила закрасить, спрятав таким образом свой лик под горным пейзажем. С помощью колдовства ведьма воздействовала на своих невольных созерцателей. Те, кому она показывалась, были обречены на скорую смерть.

Руубен считал заколдованную картину слишком опасным приобретением и хотел было отказаться от покупки, но меркатор, заметив его колебания, сообщил, что творение принадлежит кисти небезызвестного Галлена Каллелы, а изображенная на пейзаже местность находится в Похьоле, где этому художнику довелось побывать однажды.

Побывать однажды! Шутка ли! Руубен был потрясен до крайности, зная о том, что Похьола – мифическая страна из карело-финского эпоса, а это означало, что Галлен Каллела знал способ пересечения барьера, разделяющего обычный и потусторонний миры.

Пройти мимо работы великого мастера, да к тому же своего соотечественника, Руубен не смог и купил ее. Он высоко ценил творчество Каллелы, правда позже заподозрил, что меркатор узнал об этом и солгал ему насчет автора, чтобы продать картину, ведь известно, что эти таинственные торговцы обладают различными колдовскими способностями, и прочитать чужие мысли для них – сущий пустяк.

Но как бы там ни было, а покупка оказалась удачной: благодаря заколдованной картине Пункки исправно добывал недожиток. Для этого Руубен, пользуясь своим служебным положением, иногда вывешивал пейзаж «с секретом» в одном из демонстрационных залов, размещая его среди других картин Каллелы, и никто из работников музея не замечал лишнего экспоната. Картина висела до тех пор, пока один из посетителей не попадал под чары ведьмы. Как правило, колдовскому воздействию подвергались особенно впечатлительные люди и те, кто страдал от депрессии. Попавшуюся «на крючок» жертву легко было узнать по застывшему в глазах ужасу. Такой посетитель часами простаивал напротив полотна и не двигался. Заметив его, Руубен выпускал Пункки на охоту, и кадавер преследовал околдованного всюду, выжидая, когда тот испустит дух и отправится на кладбище, где станет, наконец, его добычей. Дождавшись окончания похорон, Пункки откапывал труп и высасывал из него негативную энергию для себя, а заодно и недожиток, который нес хозяину и отдавал совершенно омерзительным способом – громко икая и сгорбившись, как наевшийся собственной шерсти кот, выблевывал серебристую пыль прямо на пол, к его ногам. Превозмогая брезгливость, Руубен собирал порошок в специальный флакон с особенными стенками, предотвращавшими испарение этого крайне нестабильного вещества, которое в открытом виде улетучивалось за несколько дней. За долгие годы он так и не привык к этой процедуре, испытывая отвращение и к порошку, и к кадаверам, и к самому себе. Но после приема живительного эликсира все душевные терзания как рукой снимало.

– Дорогой Мякинен, где вы там запропастились?! – Раздраженное восклицание Божены, донесшееся из зала заседаний, заставило финна вздрогнуть и поморщиться. Он не любил, когда его называли по фамилии и на «вы». По его мнению, такое обращение звучало недружелюбно,

несмотря на сочетание со словом «дорогой». Но на этот раз Руубен должен был признать, что Божена окликнула его вовремя: позабыв обо всем на свете, он стоял и таращился на картину несколько минут, а это было опасно. Не хватало еще попасться в свой собственный капкан!

Сизая заснеженная гора, подпиравшая тяжелое свинцовое небо, притягивала взгляд как магнитом. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы отвернуться. Возможно, колдовские чары уже начали действовать. Выходя из кладовой, Руубен заметил боковым зрением, будто на картине что-то метнулось, светлое и трепещущее, как птица или... или как платье... или как длинные волосы, разметавшиеся на ветру – золотистые волосы с едва заметной рыжинкой, какие были у его молодой жены, пропавшей пятнадцать лет назад вместе с годовалой дочкой.

Руубен и трех лет не прожил со своей ненаглядной Айной. Он собирался покинуть общество этерноктов, но все не решался, и скрывал от них факт своей женитьбы, зная, что этерноктам такое не понравится, особенно Блаватской, считавшей, что любовь делает человека слабым. План Руубена уехать с Айной и крошкой Виолой в тихое местечко и счастливо зажить там провалился: Руубен опоздал.

На пороге каморки финн обернулся и посмотрел на картину. У подножия горы на синеватых камнях стояла его Айна в белом платье и босиком, бледная и спокойная, будто неживая. Над ней, едва различимый в тени под скальным выступом, нависал чей-то силуэт. Руубен прищурился, вглядываясь. То была угрюмая старуха. Приоткрытый рот темнел на ее лице, точно сырая яма, и оттуда изливался едва уловимый протяжный звук, – не то песня, не то заклинание. «Ведьма Лоухи из Похьолы!» – молнией сверкнуло в голове финна, и тотчас виденье растаяло, как первый снег на полуденном солнце.

Руубен вышел и прикрыл за собой дверь, отсекая летящий следом звук – не то угрозу, не то проклятие.

Участники собрания сидели за длинным столом, сосредоточенно склонившись над расстеленными картами. Никто не поднял головы, кроме Божены, которая встала, подавшись вперед и уперев руки в столешницу.

– Вижу, вы не очень-то заинтересованы в поисках перехода, Мякинен? С какой целью, позвольте узнать, вы торчали столько времени в своем чулане? Гоняли крыс? Или перепрыгивали запас недожитка, чтобы утаить от всех?

– Нет никакого запаса, – потупившись, Руубен прошел и сел на стул, принесенный Пункки. Кадавер прятался под столом, наружу торчали носки его потертых башмаков. Странно, что он не вернулся обратно в каморку, следовало бы отослать его, но Руубен не решился затевать возню, опасаясь еще больше разозлить наставницу, тем более, что она как раз обратилась к Карлу Боссерту, в прошлом – профессору истории, а теперь возглавлявшему группу этерноктов в Германии. Он прибыл в Хельсинки по приглашению Руубена, отправленному по указанию Блаватской.

– Покажите-ка еще раз этот фокус с границами, персонально для нашего неторопливого зрителя музея.

Обычно гладко зачесанные на один бок, волосы Карла сейчас походили на давно не стриженный газон, – по всей видимости, встали дыбом от дурных новостей, да так и не улеглись. Немец подцепил пальцами края одной из карт и осторожно передвинул ее, поместив поверх другой карты.

– Вот, взгляните. Это копия на кальке, снятая с карты мифических стран с отмеченными на них порталами. Я не стал переносить их все, скопировал лишь две страны, славянскую Лукоморию и карело-финскую Калевалу, граница между ними обозначена красным, видите? А синие звездочки – это порталы. Обратите внимание, что на территории Лукомории такая звездочка всего одна, и она обведена черным кружком – это значит, что портал в настоящее время недоступен. Место, где он расположен, совпадает с поселком Нумги на карте реального мира, что под калькой. Люцифлюсы нашли его и закрыли брешь в барьере, а сейчас в этой

области ведутся разработки газового месторождения. Других известных порталов в Лукомории нет. Зато в Калевале их целая россыпь, особенно там, где она совпадает с районом карельской Рускеалы, в тридцати километрах от границы с Финляндией.

– Я поняла вашу мысль, Карл! – перебила его Божена. – Оказавшись в Калевале, мы без труда переместимся на ярмарку в Лихоморье, ведь в потустороннем мире не нужно тратить время и силы, чтобы преодолеть большое расстояние. Места сами приходят к путникам, всем нам это давно известно. Но знаете ли вы, что в Рускеале расположена база люцифлюсов, и все порталы у них под контролем? Конечно же, знаете! Вон, сами все звездочки обвели кружками!

– Почти все, – поправил ее Боссерт и ткнул длинным согнутым пальцем в скопление меток. – Есть несколько мест, где можно пройти, но... но это небезопасно, потому что люцифлюсы могут засечь нас.

– Небезопасно! – Божена шумно фыркнула, обрызгав карты слюной. – Сунуться туда, где снуют полчища этих тварей – просто самоуничтожение! Есть ли у кого-то другие варианты? – Она обвела присутствующих обжигающим взглядом и остановилась на Руубене. – Ну? Что скажете, Мякинен? У вас такой вид, будто вы что-то придумали!

В очередной раз Блаватская потрясла финна своей проницательностью: ему как раз пришла в голову одна идея. И подтолкнула его к ней сама ведьма из Похьолы.

Все это время Руубен мысленно продолжал смотреть на картину, вспоминая недавнее виденье, и вдруг понял, что Айна появилась на ней неспроста: это могло означать, что старуха Лоухи похитила его жену и маленькую дочь. Правда, Руубен не заметил там малышку и теперь подумал с ужасом, уж не сожрала ли ее ведьма. За свою жизнь он слышал немало жутких баек о ведьмах-людоедках, обитавших в горных подземельях и опустевших шахтах, каких было не счесть в окрестных местах. Потом Руубен осознал, что обречен на скорую смерть – ведь никто еще не выжил после ведьминого взгляда. Но сожаления не было, наоборот, захотелось приблизить роковой час, потому что возникла надежда на встречу с Айной. Умерев, Руубен отправится в потусторонний мир, в темную его часть, как раз туда, где обитают ведьмы и прочая нечисть. Может быть, это шанс спасти Айну и малышку Иви? Если они живы – помочь им вернуться в обычный мир, если же они тоже стали призраками, то освободить их из-под ига ведьмы, чтобы они смогли взлететь в небеса.

Идея, осенившая Руубена во время рассуждений Карла, из которых он не слышал ни слова, заключалась в том, чтобы уйти в каморку и немедленно там повеситься. Божена застала его врасплох, он слишком поздно спохватился, чтобы спрятать от нее свои мысли, и она наверняка что-то ухватила, пусть не все, но достаточно, чтобы догадаться о его планах и сорвать их. Все этернокты, и он в том числе, умели читать чужие мысли, но могли закрывать их друг от друга, если замечали такие попытки. Руубен не успел, и теперь трясся от страха в ожидании бури.

– Вот же хитрый пройдоха! – воскликнула Блаватская, уперев руки в бока. – Решил втихушку смыться из этого мира и оставить всех «с носом»? А ну-ка, признавайся, что за картину ты прячешь в своем чулане?

Внезапно ее грозный вопль сменился пронзительным визгом. Божена отпрянула от стола, упала на пол и задргала ногой, к которой, точно клещ, прицепился Пункки, глубоко вонзивший зубы в ее плоть чуть выше лодыжки.

2. Мечта, да не та

Шум позади стремительно нарастал: вода неслась, расшвыривая камни, и от фонтана мелких брызг ткань футболки на спине насквозь вымокла. Оборачиваться было страшно, бежать – поздно, и Тильда просто сидела посреди каменной гряды, втянув голову в плечи, как черепаха. Вот только защитного панциря у нее не было.

Гряда уходила вдаль и терялась в лесной гуще, затем выныривала и вздымалась к синему небу пологой скалой, похожей на запрокинутую голову старца-великана с лицом, иссеченным глубокими бороздами морщин и белыми прожилками шрамов. Островок леса, обрамлявший эту скалу-лицо, выглядел густой встопорщенной бородой, укрывавшей шею и грудь исполина, а сама гряда, посреди которой сидела Тильда, напоминала гигантское человеческое тело с вытянутыми по бокам руками.

Водный поток вздыбился, грозя обрушиться и расплющить Тильду о камни, пока еще сухие и теплые, но быстро покрывающиеся мелкими холодными каплями, долетавшими с ветром.

Где-то неподалеку затянули песню. Звонкий девичий голос удивительным образом перекрывал грохот водопада, несущегося с дикой скоростью. Тильде захотелось взглянуть на певунью, но она не смогла повернуть голову, все мышцы сковало в нервном спазме.

Тильда понимала, что ни малейшего шанса на спасение у нее нет, но вдруг... Показалось? Или, в самом деле, валуны справа от нее зашевелились? В следующий миг каменная жердь взметнулась вверх и преградила путь разогнавшейся водной массе, зависнув прямо над Тильдой. Жердь выглядела, как рука, высеченная из горной породы, с ладонью и растопыренными пальцами. Мощная водная струя ударила в центр «ладони» и разбилась, превратившись в водяной веер. Над каменной грядой изогнулась яркая широкая радуга.

Песня зазвучала громче.

Осознав, что чудесным образом избежала гибели, Тильда вскочила и бросилась прочь от опасного места. Бежала, не чуя ног, и остановилась лишь, когда совсем выдохлась. Обернувшись, не поверила глазам.

С высокого пригорка отлично просматривалось русло высохшей реки, где она только что чуть не погибла. Оно – то есть, русло... ворочалось! Ворочалось, как живое существо, как сказочный великан, отдых которого потревожила невесть откуда хлынувшая вода. Каменные руки заслонили скалу-лицо, каменная грудь заходила ходуном, и откуда-то из недр земли поднялся гул, похожий на недовольный рев.

Тильда взвизгнула от ужаса и в этот миг увидела певунью. Светловолосая девушка в длинном, до пят, белом платье продолжала петь, стоя под каскадом водяных струй, летящих от пятерни-глыбы, и выглядела совершенно спокойной.

Внезапно рев и грохот стихли в одночасье: бурный поток остановился, но не схлынул, не растекся лужей, а будто мгновенно замерз, лишь горбы пенных бурунов слегка подрагивали подобно подтаявшему студню. Последние капли воды упали на землю, ветер залег в траву, выпрямились макушки елей и сосен: вся природа словно наострилась, прислушиваясь, как льется рекой звонкая песня без единого слова.

Потом сон внезапно прервался, но мелодия все еще продолжала звучать в голове Тильды, навевая воспоминания о далеком детстве, и вместе с этим из глубин памяти неожиданно вынырнула фраза: «Есть слова, от которых стихают водопады и смиряются бурные реки».

Кто это сказал и почему, Тильде вспомнить не удалось.

– Подъем! Самолет проспишь! – Голос отца мгновенно вернул ее в реальность.

Она открыла глаза и снова закрыла в надежде вернуть ускользающий сон, но, конечно же, того уже и след простыл. Возникло щемящее чувство сожаления от того, что облик певунии

почти не задержался в ее памяти. Остался лишь стройный силуэт в белом платье с расплывчатым пятном вместо лица. Тильда разочарованно вздохнула, уверенная, что упустила что-то важное, и, выбравшись из постели, сунула ноги в мягкие тапочки. Откинув со лба копну светлых, как лебяжий пух, волос, она помедлила, осмысливая важность момента, и сделала первый шаг на пути в новую жизнь.

За порогом комнаты ее встретила бурная суета. По коридору носился младший брат Женька, изображая самолет. В гостиной громко хлопнула дверца шкафа, донеслось ворчание отца:

– О-о, снова наша мама порядки наводила, ничего теперь не найти. Говорил же, чтобы мои вещи не трогала!

– Сказал бы спасибо, что я твой вселенский хаос хоть немного упорядочила! Развел бардак, сам черт ногу сломит! – воскликнула мама, выглядывая из кухни. Вид у нее был взбудораженный. Заметив Тильду, она тотчас переключилась на нее. – Наконец-то! Я уж думала, что мы тебя сегодня не добудимся. Ты ведь полчаса назад собиралась вставать! Твой завтрак совсем остыл! И вещи не упакованы!

– Ничего страшного. – Тильда с улыбкой потянулась к ней и ткнула носом в щеку. – Не переживай, я все успею.

Йогурт и чуть теплый омлет показались Тильде безвкусными, есть не хотелось. Все мысли сосредоточились на предстоящем переезде в Питер для учебы в Горном университете. Давняя мечта сбылась: она поступила в престижный вуз, причем, «на бюджет», да еще при конкурсе девяносто человек на место. Отец гордился ее успехом, а мама смирилась, хотя и считала, что дочь выбрала для себя совсем не женскую профессию.

– Машр... Макрш... Что это? – впервые услышав название специальности, мама даже произнести его не смогла.

– Маркшейдерское дело, – пояснила Тильда. – Такая горная наука о методах пространственно-геометрических измерений, вычислений и графических отображений, выполняемых при разведке месторождений, а еще при строительстве, эксплуатации и ликвидации или консервации горных предприятий.

– Ох... Сложновато для моего восприятия. И что ты будешь там изучать?

– Геометрию недр, фотограмметрию и дистанционные методы зондирования Земли, высшую геодезию...

– Ой... – Перебив ее, мама прижала ладони к щекам. – Дальше не продолжай! И... принайся, тебе это все действительно интересно?

– Ну, да. Земные недра мало изучены. Например, причины возникновения магнитного поля нашей планеты до сих пор не установлены, существует лишь масса неподтвержденных версий. А ведь это поле служит для планеты щитом от солнечного ветра, который несет с собой радиацию и метеоритные дожди. Потоки ветра отклоняются в сторону под его воздействием.

– Ну и замечательно, что отклоняются. Какой смысл искать причину?

– А вдруг разгадка этой тайны приведет к новым открытиям? Например, удастся определить причину Большого взрыва?

– Что-то разогналась ты, из земных недр сразу в космос! – Мама скептически вскинула брови.

– Во Вселенной все взаимосвязано, это факт, но природа многих процессов до сих пор остается загадкой.

– Любознательная ты моя! – Ни понимания, ни одобрения в мамином взгляде так и не появилось, но голос немного смягчился. – Недаром говорят, что одно горе от ума. Не видать тебе семейного счастья. Кому нужна жена, вечно пропадающая в командировках?

Тильда на это лишь улыбнулась, оставив при себе мнение о том, что у каждого свое счастье. Маме нравилось заниматься домом, готовить, наводить порядок, натирая до блеска окна

и не позволяя осесть на мебель ни одной пылинке. Она и дочери пыталась привить любовь к домашним хлопотам, но пока безуспешно. «Ты еще не доросла», – уверяла ее мама, но Тильда считала, что просто они с мамой слишком разные. Слово «маркшейдерство» нагоняло на маму такую же скуку, как на Тильду – слово «домоводство».

Холодный ветер, проскользнувший в приоткрытое окно, лизнул голые плечи Тильды. В кухне запахло осенним дождем и прелыми листьями. Дождь сегодня был бы кстати: не придется прятать слезы при расставании. Тильда заранее условилась с родителями о том, что они не станут провожать ее до терминала, и обещала позвонить сразу, как только выйдет из самолета в Питере.

В это раннее субботнее утро город казался совсем пустым: ни машин, ни прохожих. Повезло. Если пришлось бы стоять в пробках, Тильда опоздала бы на свой рейс: они примчались в аэропорт за полчаса до окончания регистрации.

Дождь действительно помог не разрыдаться, когда она пятилась к стеклянным дверям главного входа с приподнятой в прощании рукой. Слезы вместе с дождевыми каплями свободно стекали по щекам. Тильда не пыталась их сдержать, зная, что лицо от этого окаменеет, и улыбка на нем не удержится. А так ей удавалось сохранять счастливый вид. Родители и Женька махали ей вслед, глядя из окон машины. Стекавшие по стеклам дождевые струи искажали черты их лиц до неузнаваемости, превращая в гримасничающих чудовищ. Тильда отвернулась, испугавшись вдруг, что запомнит их такими. Неожиданно нахлынуло предчувствие долгой разлуки. И откуда только взялось? Ведь уже через пару месяцев Тильда должна была вернуться домой на зимние каникулы. Однако интуиция упрямо подсказывала иное. Как будто могло случиться что-то ужасное и непоправимое, способное разлучить ее с семьей. Или с кем-то одним из них. Например, с Женькой. Тревога за брата усиливалась с каждым днем. Неизвестно, сколько ему осталось. Это зависело от того, как быстро сгорит порция «недожитка», которую дала ему Дашка, чтобы оживить после спасения из подземной тюрьмы. Дашка говорила, что скорость расходования заимствованного времени у всех разная, но пророчила брату примерно года два. А что потом? Что будет с Женькой, когда весь недожиток в нем истратится? И ведь один год уже прошел.

Зона досмотра напоминала супермаркет: пассажиры стояли вдоль плавно движущейся ленты, уставленной корзинами, в которых кучей громоздились их вещи. Зал наполнял непрерывный шорох. Оглядевшись, Тильда увидела людей, расположившихся на стульях, составленных рядами вдоль стен. Они снимали верхнюю одежду, и, разувшись, натягивали на ноги целлофановые бахилы. Это зрелище вызвало гнетущие мысли о том, что зла в мире становится все больше, поэтому антитеррористические меры лишь ужесточаются, и едва ли их отменят когда-нибудь. Правила касались даже детей, и это особенно удручало. Ну какие же из малышей террористы? А ведь все злодеи когда-то были детьми, обожали мультфильмы и сладости, верили в добро... Что сделало их монстрами в человеческом обличье?

Год назад Тильда узнала о существовании тайного общества, которое как раз работало в этом направлении, то есть, старательно создавало условия, менявшие души и судьбы людей не в лучшую сторону. Сами же члены этого общества, по мнению Тильды, не являлись людьми в полном смысле этого слова, хотя их внешние отличия не бросались в глаза, и следовало хорошенько присмотреться, чтобы заметить трупную окраску их ногтей, жуткие тени на лицах, отсутствие жизни во взгляде. Но и заметив такие отличия, можно было принять их всего лишь за признаки недуга, так и не распознав нечеловеческой сути. Злодеи называли себя теософами-этерноками, по названию их общества – «Aeterna nocte», что означало «вечная ночь». Тильда узнала об этом год назад, от подруги Даши, попавшейся в их сети. Подругу завербовали, используя ее тягу к сладостям, и сделали живой батареей для заклятого демона, который добывал тот самый «недожиток» – время, остающееся в людях после их трагической гибели. Демоны умели его забирать, а отдавали хозяевам через своих доноров, таких как

Дашка, – этернокты называли их кадаверами. Демонов они покупали в потустороннем мире, у так называемых меркаторов – торговцев, способных накладывать на демонов сильные заклятия. В общем, взаимодействие с темными силами, по словам Дашки, было у этерноктов хорошо отлажено и шло полным ходом. Они обосновались в центре города, используя для прикрытия своей деятельности магазины и бары торгового дома на Чернавинском проспекте, даже детский театр открыли и во время представлений похищали детей, отправляя прямо со сцены в царство смерти. Брат Тильды стал первой и единственной жертвой на премьере спектакля. К счастью, его удалось спасти, а этернокты странным образом погибли, превратившись в обугленные головешки. Полиция обнаружила одиннадцать обгоревших трупов в помещениях торгового дома. Дашка и ее друг Гена, тоже завербованный этерноктами, утверждали, что в злодейской шайке было тринадцать участников. Получалось, что двое преступников избежали трагической смерти и скрылись в неизвестном направлении. Наверняка они осели где-нибудь в укромном месте и продолжают творить свои темные делишки. С тех пор прошел год, и чем сильнее Тильда старалась забыть об их существовании, тем больше крепло ее сомнение в том, что это ей когда-нибудь удастся. Образ Божены Блаватской, основательницы общества этерноктов, врезался в ее память и горел там, как свежесваренное клеймо, не желая блекнуть со временем. Тильда не сомневалась, что эта коварная особа оказалась одной из двоих спасшихся членов банды, ведь взгляд лисьих глаз злодейки, полный холодной ярости, то и дело самовольно всплывал в ее воображении, словно Божена наблюдала за ней на расстоянии, выжидая удобный момент для отмщения. Едва ли амбициозная авантюристка, вознамерившаяся стать владычицей всего мира, простит Тильде хитрость с «кощевой иглой», нарушившей все ее грандиозные планы.

Тильда улыбнулась, представив себе, как вытянулось от разочарования красивое лицо Божены в момент осознания того, что с таким трудом добытая ею игла оказалась пустой железкой. Привыкшая сама всех обманывать и строить изощренные козни, Блаватская должна была испытать настоящий шок, – если, конечно, осталась жива после неизвестной напасти, уничтожившей шайку этерноктов. Шестое чувство подсказывало Тильде, что судьба предводительницы темного общества выяснится совсем скоро, и пути их вновь пересекутся. Знать бы еще, каким образом это произойдет, ведь предстоящая учеба в Горном университете сильно ограничит контакты Тильды с внешним миром и наверняка вытеснит из ее головы мысли об этой даме с демоническими наклонностями.

Перелет закончился неожиданно быстро: облачное покрывало под крылом самолета растаяло, и обнажилось золоченое великолепие великого города. Вот она, мечта, совсем близко! Осталось сделать несколько шагов.

Из динамиков донесся приятный голос стюардессы:

«Наш самолет совершил посадку в аэропорту Пулково, терминал номер один. Московское время двенадцать часов десять минут. Напоминаю, что ремень безопасности должен быть застегнут до выключения табло «Застегните ремни». От имени экипажа благодарим за то, что вы воспользовались услугами авиакомпании «Аэрофлот – российские авиалинии». Мы будем рады встрече с вами!»

Пассажиры поднялись с кресел, потянулись к багажным полкам, вереницей устремились к выходу. Телефон в кармане куртки издал булькающий звук, возвестив о появлении мобильной связи. Тильда выудила его наружу. На экране высветилось сообщение от Якура: «С приземлением! Жду тебя у скульптуры Авиатора».

Друг приехал встретить ее, как и обещал. Он прилетел в Питер двумя днями раньше и уже успел обустроиться в общежитии вуза. На ее вопрос о том, комфортные ли там условия, сообщил, что «недостатков не обнаружено», но сравнивать ему было особенно не с чем: парень провел свое детство в самом настоящем хантыйском чуме, в поселке кочевников на Крайнем Севере, а вырос в интернате, где Тильда прожила всего год, и это время показалось ей пыткой.

В том интернате они с Якуром и познакомились, а этим летом вместе подали документы в Горный университет в Санкт-Петербурге, чтобы учиться на одном курсе.

Получив свой багаж, Тильда направилась к выходу в город, влившись в толпу людей. Неожиданно кто-то коснулся ее правого плеча и со словами «привет» взялся за ручку ее огромного чемодана, который она с немалым усилием тянула за собой, хотя тот и был на колесиках. С радостной улыбкой Тильда вскинула голову и тотчас изменилась в лице: это был вовсе не Якур, как она подумала, а совершенно незнакомый мужчина в больших и плоских, как блюдца, черных очках. Строгая фетровая шляпа, надвинутая по самые брови, и шелковый шарф, укутывавший подбородок, придавали ему таинственный и недружелюбный вид. Нос и скулы в ярко-розовых пятнах шелушились – не то от кожной болезни, не то после ожога. Потрескавшиеся губы незнакомца шевельнулись:

– С прибытием! Мы тебя ждали.

– Простите, а вы кто? Вас Якур прислал? Он, что, не смог приехать?

Мужчина неопределенно дернул головой – не то соглашался, не то возражал.

– Вы из общежития? – снова спросила Тильда, ускоряя шаг, чтобы не отставать от своего неожиданного спутника, катившего за собой ее чемодан.

На этот раз он отчетливо кивнул, и его шляпа при этом сползла еще ниже. Тильда тщетно пыталась разглядеть его лицо, хотя и таращилась во все глаза.

– А что, в Горном всех студентов так встречают, или я чем-то отличаюсь? – поинтересовалась она с растущей тревогой, уж больно подозрительным выглядел этот тип. Он ведь даже не представился!

– Отличаешься, – ответил он, не оборачиваясь, и у Тильды птицей встрепенулось сердце. «Точно ненормальный какой-то!» – мелькнула в голове паническая мысль.

– И чем же я отличаюсь? – с заметным надрывом выкрикнула она в спину спутника, вновь удалившегося от нее на пару метров.

Человек в шляпе обернулся, замедлив шаг. Уголки его губ слегка вздрогнули, намекая на улыбку, которой так и не случилось.

– Выйдем и поговорим, – сказал он. В стеклах его очков отражались потоки людей и прямоугольники электронных табло.

– Чемодан отдайте! – заявила Тильда, замирая на месте.

– Не упрямясь, иначе упустишь свой шанс. Ты ведь хочешь исправить то, что случилось с твоим братом?

– Что?! – Тильда потрясенно вытаращилась на незнакомца, но тот уже отвернулся и продолжил путь. Она покорно поспешила следом.

Питер встретил промозглой сыростью, небо казалось ниже, чем потолок в здании аэропорта. Мелкая морось висела в воздухе. На мокрой тротуарной плитке неподалеку от выхода возились нахохлившиеся голуби, сбившиеся в кучку. Человек в шляпе вспугнул их, приблизившись, и остановился. Догнав его, Тильда встала напротив и выжидающе посмотрела в непроницаемые стекла очков. Мужчина отставил чемодан и запустил руку, затянутую в черную кожаную перчатку, в карман своего серого пальто.

– Держи! – Он протянул ей бумажный прямоугольник размером чуть больше стандартной визитной карточки. Судя по ламинированной поверхности и водяным знакам, это был какой-то документ. В центре выделялись крупные золотистые буквы, составлявшие два латинских слова.

– Vivens lux, – прочла Тильда вслух.

Ниже, черным шрифтом, на кириллице значилось ее имя. Она удивленно подняла взгляд.

– Что это?

– Пропуск. Читай.

– «Тильда Санталайнен зачислена на первый курс Горного университета, в филиал геолого-разведочного факультета в поселке Рускеала». – Тильда недоверчиво покосилась на собеседника. – То есть, как это? Почему Рускеала? Не понимаю... первый раз слышу, что у Горного там есть какой-то филиал! Почему в деканате ничего не объяснили? Я не собиралась в Рускеалу!

– Это секретный филиал для избранных.

– Для избранных?! А-а-а... ну, все ясно. – Тильда скептически хмыкнула и сменила тон на более грубый. – Значит так, дядя. Вижу, ты очень постарался, чтобы запудрить мне мозги, даже красивую бумажку напечатал. Не знаю, откуда тебе известно мое имя и то, что я поступила в Горный. Понятия не имею, зачем тебе это надо, но подозреваю, что все дело в твоих порочных наклонностях. Даже если ты сейчас возьмешь низкий старт, чтобы свалить отсюда, полиция все равно тебя схватит, тебе не уйти.

– Понимаю, тебе трудно поверить, ведь ты меня не помнишь. – Мужчина вздохнул и потер щеку. Мелкие чешуйки отслоившейся кожи посыпались на воротник пальто.

– Что значит «не помнишь»? – Тильда уже взялась за ручку чемодана, собираясь уйти, но остановилась, вновь заинтригованная.

– Я видел, как твой брат принял недожиток... там, в апартаментах на Чернавинском.

– Видел?.. Но... – Внезапно перед мысленным взором Тильды возникла картина: не подающий признаков жизни, холодный и полупрозрачный, как глыба из мутного льда, Женька лежит на полу, и она, охваченная ужасом, ничего больше вокруг не видит. К лицу брата тянется Дашкина рука, в ней – стеклянный флакончик, как из-под духов, крошечный, миллилитров на двадцать, не больше. В нем вихрем кружится серебристый порошок. Крупинки вылетают через горлышко и тянутся тонкой струйкой, исчезая в ноздрях брата. Некоторое время ничего не происходит, и кажется, что все бесполезно, но вдруг Женька дергает носом, будто собирается чихнуть, и открывает глаза. Тильде становится жарко от нахлынувшей радости. Она обхватывает Женьку руками, прижимает к себе и смеется сквозь слезы. Очертания окружающего пространства постепенно проступают в боковых границах зрения – Тильда снова способна видеть остальной мир. И она видит Якура, Гену и Дашку, все трое друзей рядом с ней, они улыбаются, тревога на их лицах сменяется ликованием. За их спинами появляется незнакомый мужчина и направляется к выходу. Взгляд Тильды скользит по его фигуре, не задерживаясь ни на миг. Ей нет дела до постороннего человека, так же, как и ее друзьям: никто не оглядывается и не окликает его, чтобы поинтересоваться, кто он такой и как оказался в штабе этерноктов.

Удивительно, что спустя год Тильда вспомнила это чужое лицо, увиденное лишь мельком: тогда оно выглядело серым, будто присыпанное пеплом, но крупный нос с горбинкой и острый подбородок были точ-в-точь как у стоявшего перед ней мужчины с больной кожей.

– Вы были там! – вырвалось у нее изумленно.

– Узнала все-таки. – Мужчина кивнул. – Знаешь ли ты, что недожиток, который принял твой брат, был добыт демоном? Это яд для человеческой души.

– Ужасно... – Тильда похолодела. – Но иначе мой брат бы... умер! Он и так уже не дышал, а недожиток воскресил его. Ведь выбора не было!

– Понимаю. Бывает, людям крайне трудно смириться со смертью близких, и они готовы применить любые средства, лишь бы вернуть их.

– Что теперь будет? Что делать? – Тильда с трудом узнала собственный голос.

– Получишь ответы, если поедешь со мной. Надеюсь, теперь ты веришь, что я не маньяк.

– Верю. Но все еще не знаю, кто вы.

– Мое имя – Виктор Зарубин. С недавних пор я – водитель трансфера, доставляю студентов к месту учебы в Рускеале.

– Понятно. А как вы оказались в моем городе, в доме, на Чернавинском?

– Это и мой город. Я там родился, там рос и мечтал, но однажды сбился с пути к мечте и угодил в сети этерноктов. Ты ведь знаешь, кто они?

Тильда недобро усмехнулась:

– Да уж наслышана. Выходит, вы тоже работали на них?

– Работал, – честно ответил мужчина. – Но это был не совсем я. Со мной произошли необратимые изменения.

– Как это?

– Живой свет спалил во мне все неправильное. Он мог испепелить мое нутро целиком, как у других этерноктов, но я каким-то чудом уцелел. Наверное, не насквозь еще прогнил, как они, не успел, потому что примкнул к ним последним.

– Что такое «живой свет»? – спросила Тильда, но не дождалась ответа, оглянувшись на звук знакомого голоса, прозвучавшего позади.

– Наконец-то! Ты, что, забыла убрать беззвучный режим в телефоне? Я не смог дозвониться. – Якур обнял ее, на миг прижав к широкой груди, и настороженно покосился на мужчину в шляпе. – Какие-то сложности? Я не помешал?

Тильда в растерянности уставилась на друга, не зная, что ему ответить. С одной стороны, она была рада его видеть, а с другой, испытала разочарование от того, что его появление прервало разговор с загадочным типом на самом интересном месте. Неизвестно, продолжит ли этот человек, назвавшийся Виктором Зарубиным, откровенничать при Якуре? Теперь Тильда не могла уйти, не выяснив, какая опасность угрожает ее брату и как его спасти. Ради этого она была готова отправиться не то что в Рускеалу, а хоть к черту на кулички, но вот как быть с Якуром? Как объяснить другу, что она не сможет учиться вместе с ним и должна немедленно ехать в Карелию? Что ему сказать?

Новый знакомый вдруг приподнял очки и пристально посмотрел на Якура. Тильда ожидала увидеть под очками больные глаза, с такими же признаками воспаления на веках, как и на лице, или даже вовсе пустые глазницы, но глаза были нормальными, светло-кариими, разве что зрачки казались отверстиями, сквозь которые струился свет: два тончайших лучика протянулись к лицу Якура и прошли по нему, словно сканируя. А потом свет исчез, и в глазах появились совершенно обычные зрачки, узкие от солнца, выглянувшего из-за туч.

Вернув очки на место и придвинув плотно к переносице, Зарубин произнес:

– Пригласи друга поехать с тобой. В Горном я все улажу, его вещи и документы передадут к нам в филиал.

– У него, что, тоже возникли проблемы из-за использования черной магии? – спросила Тильда после паузы.

– Дело не в проблемах, а в силе, которой вы оба обладаете, но не умеете применять. Вас этому научат.

– Какая еще сила? Хотя... Вообще-то у Якура есть дар шамана, а у меня-то что?

– Ты все узнаешь со временем. Я лишь водитель и не вправе объяснять такие вещи, уже и так наговорил лишнего. Нам пора ехать. Решай быстро, едешь с другом или без.

– С другом! – ответил за Тильду Якур, не раздумывая, и, повернувшись к девушке, спросил, понизив голос: – Тебе действительно нужно ехать с ним?

– Да, без вариантов. Но тебе необязательно. Можешь вернуться в Горный.

– Я поеду с тобой, даже если ты сама не знаешь, куда и зачем едешь.

– Вот и отлично! В таком случае поторопимся, следуйте за мной. – Мужчина оживился, подхватил чемодан Тильды, будто тот был его собственностью, и устремился к автомобильной стоянке. Он неуклюже наступал в мелкие лужицы, и брызги вылетали у него из-под ног, искрсясь в лучах проглянувшего солнца.

Тильда и Якур поспешили следом.

– Что произошло? – друг слегка сжал руку Тильды и намеренно замедлил шаг. – Говори, не бойся. Он тебя запугал? Чем-то шантажировал? Вынудил бросить университет? Но ведь ты мечтала там учиться!

– Горный бросать не придется. Оказывается, у него филиал есть!

– Это где?

– В Рускеале. – Тильда растерянно улыбнулась и добавила грустно: – Ну почему мечты всегда сбываются как-то не так?

3. Лунная ведьма

– Долго так продолжаться не может!

– Почему? По крайней мере, она жива.

– Тш-ш-ш... Еще услышит! И так натерпелась, бедняжка. Не надо ей об этом напоминать.

Подумать только, до чего люди бывают жестоки. «Дурная кровь», «Поганая ведьма»... Как только ее не дразнили.

– Во-от! А я что говорю? Нельзя ей обратно.

– Так зачем обратно? Давай уедем подальше, увезем ее отсюда насовсем. Туда, где никто о ней ничего не знает. Да хоть в Сибирь! Там тоже есть большие города, где никому ни до кого нет дела, не то, что здесь, в глухомани. Твой брат мог бы помочь с переездом, ты говорил, он хорошо зарабатывает. Мы бы потом ему все вернули.

– Здесь роща карсикко, забыла?

– Ой, господи! Совсем задурил себе голову своими соснами!

– Да что ты понимаешь? Это же корни предков! Среди них и Виолкина сосна есть, живой оберег, как-никак. Не пропадет дочка, не бойся. Здесь уж точно не пропадет.

– Да ведь ей учиться надо!

– Закончила среднюю школу, и будет с нее. Выйдет замуж за хорошего человека, и без всякой учебы прекрасно заживет.

– Замуж?... Да кто ж с ней возиться захочет, с чудачкой?

– А ну, хватит! Сама говоришь, что натерпелась девчонка, а слов не выбираешь! Только-только отошла она, а ты... эх!

– Ладно, ладно. И правда, что-то расшумелись мы спозаранку. Разбудили уж, поди. Только ты все же позвони брату, намекни о переезде. Вдруг захочет помочь? Хотя бы с работой. А к соснам твоим каждое лето ездить будем.

– Ага, рассказывай!

– Ну, а что? Места здесь красивые, природа, леса-озера, простор. Мечта туриста, лучше и не найти. Но это для отдыха, ведь не для жизни. Зимой-то жизнь тут совсем замирает. Вот уедут в октябре последние дачники, и ни души на километры вокруг не останется.

– Ну и ладно. Зачем они тебе, эти души?

– Да мне-то ни за чем. Виолке, вот, общение нужно. Ведь отшельницей растет.

– Жива-здоровая, и слава богу.

– Не переспоришь тебя. Ладно, хорош воду в ступе толочь. Иди-ка, лучше, дров принеси.

– Да не холодно же.

– Зато сыро. Постель хоть выжимай. И дождь моросит, на улице не высушить.

В соседней комнате Виола открыла глаза и сбросила с себя одеяло, казавшееся, и в самом деле, противно сырым и холодным. Пальеозеро насквозь пропитало влагой старый дом, стоявший на песчаном берегу в окружении редких высоких сосен, похожих на ершики для мытья посуды. Это были не обычные сосны, а этакие колючие венчики на тонких скрипучих стволах: давным-давно из них сделали карсикко, памятные обереги, испещренные у основания глубокими зарубками. Зарубки белели свежей древесиной от того, что отец регулярно их обновлял, стесывая в углублениях потемневший слой. Виола не разбиралась в этих символах и цифрах, она могла прочитать только свое карсикко – да, у нее было личное дерево-оберег. Оно делилось с ней силой земли и неба, лечило и успокаивало. Виола не раз замечала: стоило постоять часок с сосной в обнимку, и все синяки и порезы исчезали бесследно. Правда, потом очень быстро новые появлялись, и все же, если б не сосна, живого места на Виоле было бы не найти.

Все из-за проклятия.

Беда заключалась в том, что Виола ходила во сне. Причем запертые двери и окна ее не останавливали. Родители даже пытались привязывать ее на ночь к кровати, но это не помогало: веревки оставались, а Виола исчезала. Ее находили в окрестностях поселка, бродившую босиком по лесам, болотам, по овражкам и горочкам, по каменному руслу высохшей реки, образованному остатками разрушенного вулкана Гирваса. После постройки дамбы на Пальеозере река Суна обмелела до тоненького ручейка и возрождалась лишь по весне, во время водосбросов, превращаясь на несколько часов или дней в бушующий водопад. Незадолго до начала водосброса начинала выть сирена, отпугивая людей, оказавшихся на пути водного потока. Все местные жители знали распорядок работы дамбы, а вот туристы могли пострадать, поэтому их предупреждали сигналом тревоги. Ночью же на Гирвасе было безлюдно, и никто не мешал Виоле петь.

Песня возникала непроизвольно, как смех, вздох или стон, в ней не было слов, только мелодия, рожденная чувствами, наполнявшими Виолу во время ночных блужданий, когда она оставалась наедине с луной, звездами и... сказочным великаном, уснувшим на потухшем вулкане в стародавние времена. С тех пор великан просел в землю и окаменел, поэтому никто не мог разглядеть его среди застывших потоков вулканической лавы, местами поросших лесом. Никто, кроме Виолы. Она-то отлично видела исполина – его громадное могучее тело и бородастое лицо, – правда, лишь тогда, когда находилась в состоянии своего лунного сна. Этот сон менял в ней все – и зрение, и слух, и голос. Звуки рождались где-то под сердцем и летели далеко-далеко без всякого усилия, стоило лишь открыть рот, чтобы их выпустить. Они проникали даже под землю, достигая ушей гиганта, для которых и были предназначены. Это был заговор, если можно так назвать то, что не облечено в слова. Или заклинание. Нечто колдовское. Виола не могла объяснить себе, откуда ей это известно, но понимала, что своим пением укрепляет сон великана, которого стали слишком часто беспокоить в последние годы – толпы шумных туристов топтались по нему изо дня в день и могли однажды разбудить. Страшно представить, что будет, когда разгневанная каменная громадина вздыбится над землей – поселок уж точно сметет одним махом. А ведь вместе с великаном может проснуться и вулкан Гирвас, дремлющий в земных недрах от начала времен.

До строительства Кондопожской гидроэлектростанции великана надежно укрывала река Суна, и укреплять его сон не требовалось, а с того дня, как обнажилось речное русло, в этих краях стало опасно.

Случилось это, когда Виолы еще и на свете не было, но тогда песню пела ее мама. Она была того же возраста, что и Виола сейчас. В поселке ее дразнили Лунной ведьмой, боялись и ненавидели, хотя мама никогда в жизни никому не делала зла. Она только пела по ночам колыбельную для каменного великана. А до нее пела мама мамы, которую считали чуть ли не родственницей старухи Лоухи – злобной и могущественной колдуньи из мифической страны Похьолы.

Однажды к маме, когда она была юной девушкой, посватался состоятельный финн, приехавший в поселок по каким-то делам. Увидев ее, он влюбился без памяти. Спустя год они поженились и даже сыграли шумную свадьбу, – люди, хоть и не любили маму, но поздравить пришли всем поселком, ведь столы ломились от угощений и напитков, да и на финна всем было любопытно посмотреть. К тому же, люди думали, что ведьма, то есть – мама, вскоре переедет к мужу в Финляндию. Но финн вскоре после свадьбы уехал и не взял жену с собой. Пошли пересуды о том, что он ее бросил, узнав о ее колдовской сущности, маму снова начали дразнить и насмехаться над ней. Но финн вернулся и, хотя через пару дней снова уехал один, но стал часто приезжать и обещал вскоре увезти жену на новое место, обустройством которого как раз занимался во время своих отъездов. Когда родилась Виола, злые разговоры о ведьме совсем утихли. А потом «ведьма» вдруг исчезла вместе с годовалой дочкой, и безутешный финн обивал пороги домов в ее поисках, бродил по окрестным рощам, овражкам и берегам рек, но так и

не нашел жену и ребенка. В поселке снова заговорили о колдовской природе пропавшей односельчанки, даже звучало предположение, что «ведьму вместе с бесенком старуха Лоухи к себе прибрала, увела своих кровных родственниц в пещеру, скрытую в глубокой штольне, чтобы обучить их самому черному колдовству».

Все это Виоле не так давно рассказал ее отец, вернее – отчим, но его даже мысленно не хотелось называть этим колким словом. Виола всем сердцем любила и его, и новую маму (ужас, как не подходило к ней едкое слово «мачеха»), и вначале думала, что история о других родителях – это просто сказка, придуманная отцом специально для нее, просто, чтобы развлечь и чуть-чуть напугать. Слушая его, Виола все ждала, что он вот-вот засмеется, расцелует ее в обе щеки, прижмет к себе крепко-крепко и весело шепнет в самое ухо: «Что, страшно тебе? Да шуткую я, шуткую! Наша ты, самая родная кровиночка, что ни на есть!»

Но отец продолжал говорить с самым серьезным видом: «Прошло время – год или чуть больше – с тех пор, как исчезла Айна вместе с тобой. Родители ее – твои, значит, дед с бабушкой – умерли с горя, а вскоре и пересуды в поселке утихли, быльем поросла эта история. И вот однажды нашлась ты... да... будто вчера все было, так хорошо этот день помню. Вернее, утро. Раннее-раннее было утро, и туман стоял над озером, густой такой, как молоко. Вышел я на берег, сети проверить, и вижу – темное что-то маячит в тумане, вроде как, лодка. Покричал я, не дождался ответа, поплыл туда, а там, в той лодке – ты, лежишь на дне, в одеяльце завернутая, и спишь крепким сном. Я не понял тогда, чье дите нашел, это Катерина моя, как только глянула, сразу же признала в тебе дочку пропавшей Айны, она ведь и на смотринах твоих была, и в гости к Айне заходила. Вначале хотели мы заявить о находке, куда следует, да передумали – не иначе, в детский дом заберут, жалко. И осталась ты жить с нами как наша дочка. Документы выхлопотали благодаря председателю, здорово помог он мне в этом деле, хотя и рисковал сильно, ведь закон нарушил, но зато, можно сказать, спас тебя от тяжелой судьбы. А я ему поклялся, что, кроме нас с женой, никто о его помощи не узнает. Он так устроил, будто мы удочерили тебя прямо из «дома малютки», где много брошенных младенцев. В поселке все поверили, никто о подробностях допытываться не стал, а тебя мы первое время от чужих глаз прятали, опасались, что кто-то еще в тебе дочку Айны признает, ведь не только Катерина на смотринах была. Ну, а потом ты подросла, изменилась, а что похожа на мать – так мало ли людей похожих на свете, это ж не доказательство. Но слухи все-таки пошли, только уже позже, когда в поселке стали замечать за тобой странности, и кто-то вспомнил, что ты у нас появилась вскорости после того, как Айна с ребенком пропала. Вот и стали тебя Лунной ведьмой дразнить, как твою мамку когда-то. Все свои несчастья на тебя списывали. Пение твое колдовством называли, считали его наукой старухи Лоухи. И чем дальше, тем все больше люди на тебя озлоблялись, и на нас с Катериной заодно, что приютили тебя и вырастили. Хотя, ну откуда им было знать, кого мы приютили? Разве что сам председатель где-то сболтнул лишнего. В общем, потому мы и уехали из поселка, как только ты школу закончила, а у меня как раз пенсия подошла. Ну, а Катерина уволилась, она там совсем крохи зарабатывала, так что и не жалко. Дом в Гирвасе мы продали, поживем пока тут, на Пальеозере, а там посмотрим. Ты, главное, ни о чем не переживай, ведь дело не в тебе, а в том, что зла в людях слишком много, да и глупости.

Теперь ты все знаешь. Того председателя уже нет в живых, он тогда уже был не молод, и вот недавно помер. Теперь уж нет смысла тайну хранить, и ты достаточно взрослая для того, чтобы узнать правду. Конечно, тебе нелегко будет ее принять, но запомни: горькая правда всегда лучше самой сладкой лжи, и рано или поздно я бы все равно рассказал ее тебе».

Виола была благодарна отцу за эту правду, но с тех пор совершенно потеряла покой. Масса вопросов беспрестанно крутилась в голове: что стало с ее настоящей матерью, кто виноват в ее исчезновении и как ее спасти, если она еще жива.

Тяжелое от сырости одеяло, свесившееся с кровати, поползло вниз. Виола попыталась его поймать и вернуть обратно, но не успела, и оно плюхнулось на пол, точно куча липкого снега,

слетевшего с крыши во время оттепели. Жаль, что до весны еще далеко: впереди слякотная осень и холодная зима. В зеркальной глади Пальеозера за окном отражалось серое небо, по стеклу ползли редкие извилистые ручейки. «Вроде не дождь. Так – морось. Не помеха для прогулки», – подумала Виола, решительно вставая на скрипучие доски, прикрытые вязаным ковриком. Подошла к двери, прислушалась.

Голоса родителей смолкли, в глубине дома раздавались лишь знакомые будничные звуки: гремела посуда, шумела вода в раковине, хлопали дверцы шкафов. Виола выглянула в коридор и, убедившись, что ее никто не видит, прошмыгнула в ванную. Стараясь не шуметь, она умылась, расчесала спутавшиеся за ночь волосы и вернулась в свою спальню, прихватив по пути куртку и резиновые сапоги из прихожей. Ей не хотелось встречаться с родителями, – пусть думают, что она еще спит и не слышала, как они ссорились из-за нее. И так она доставила им массу хлопот своим появлением в их жизни. Да к тому же не терпелось поскорее выбраться на свежий воздух: в доме было сыро, но душно, пахло дымом – наверное, в кухне уже затопили печь. Мама («Не настоящая мама!» – полыхнуло в голове), как только увидит ее, тотчас станет с завтраком и, пока не накормит, из дома не выпустит, а о еде даже думать не хотелось. Виоле срочно нужно было обнять карсикко.

Выбираться из дома через окно Виоле приходилось не раз, поэтому она знала, как повернуть щеколды, чтобы те не лязгнули. Старые рамы открылись с тихим шуршанием, похожим на вздох, – путь наружу был свободен. Спрыгнув с подоконника на мягкий песок, Виола приотворила окно за собой и трусцой припустила к лесу. Резиновые голенища сапог захлопали по ногам, обтянутым плотными джинсами. Слева, со стороны Пальеозера, налетел ветер, набросился на девушку, точно хищник на добычу, скользнул в рукава и под капюшон, пытаясь проникнуть дальше. Виола сунула руки в карманы и, пригнув голову, упрямо продолжила путь: к ветреной погоде ей было не привыкать.

Сосны вокруг дома покачивались с надрывным скрипом, будто вот-вот повалятся, но среди тех, что стали карсикко, еще ни одна не рухнула. Виола отыскала свою сосну, приникла к ней всем телом, обвила руками шершавый влажный ствол с одной веткой, торчащей в сторону озера. Ветка указывала направление, откуда появилась Виола – отец наконец-то объяснил дочери, почему оставил одну из ветвей в полутора метрах от земли, тогда как все остальные были стесаны по всему стволу до самой макушки, увенчанной лишь небольшой редкой кроной.

Тайна ветки открылась. И все остальные вместе с ней. Их оказалось слишком много. Виоле казалось, что эти тайны похожи на сырое одеяло, – такие же тяжелые и неприятные, но их, в отличие от одеяла, с себя не сбросишь.

Кора под веткой отсутствовала, и на голой древесине белели зарубки, образующие рисунок: тонкую женскую фигурку рядом с горой и луну над горной вершиной. Виола склонилась и провела ладонью по углублениям на обнаженном стволе. Раньше она думала, что женщина под луной – это кто-то вроде сказочной волшебницы, призванной отцом оберегать ее. Выходит, это мама...

Сосна качнулась, но ветер уже стих, и Виоле показалось, что дерево кивнуло ей в знак согласия. Сомнений быть не могло, оно слышало ее мысли, и это произошло не впервые. За свою, пока еще не очень долгую жизнь, Виола поведала сосне-оберегу – и «волшебнице», изображенной на нем – немало своих горестей и радостей. Горестей было куда больше. Она верила, что дух «волшебницы» таится внутри дерева и все понимает. Родители часто привозили дочь в этот дом у Пальеозера. Пока жива была бабушка, Виолу оставляли здесь на летние каникулы, но шесть лет назад бабушка умерла, и с тех пор в доме удавалось провести время только на выходных. Начиная с октября и до конца апреля дом пустовал, но на майские праздники родители традиционно устраивали открытие сезона с шашлыками, приглашая в гости соседей-дачников. Было весело, шумно и вкусно. Здесь, среди сосен-карсикко, на берегу огромного озера с прозрачной, янтарного оттенка водой, еда казалась вкуснее, люди – добрее, а жизнь – счаст-

ливее. Все радости Виолы были связаны с этим местом. Наверное, потому что «волшебница» на сосне-обереге не позволяла случаться горестям. А вот в поселке Гирвас горести преследовали Виолу чуть ли не каждый день. Причем, издевки одноклассников и соседской ребятни в расчет не шли, Виола к ним привыкла и даже внимания не обращала на выкрики вроде: «поганая ведьма», «придурочная» или «дебилка». Пусть их, лишь бы не трогали. А то ведь мог и кусок грязи в спину прилететь, или камень. Но даже это было сущей ерундой: синяки на теле – дело временное. Но бывало, случалось такое, что раны в душе не заживали подолгу. Сосна-карсикко помогала все забыть, но некоторые моменты глубоко врезались в память, как зарубки на древесном стволе.

– Твоя выхухоль белоглазая мне баню сожгла! Просыпаюсь, гля-ядь, а она стоит за окном и воет, как над покойником, и за ней дым уж стелется, да гарью всюю несет!

Виола узнала явившегося к ним в дом мужчину. Той ночью она проснулась и обнаружила себя в чужом дворе, стоящую в клубах дыма. Что-то горело. Оглядевшись, она увидела длинные языки пламени, протянувшиеся от бани к другим постройкам, в том числе и к бревенчатой стене дома, за которой была спальня хозяев. Виола заглянула в окно и завопила во все горло, спеша разбудить их. Вместо того, чтобы тушить огонь, проснувшийся хозяин отчего-то рассвирепел и попытался наброситься на нее с кулаками. Пришлось бежать, но на рассвете этот мужчина пришел к родителям с разбирательствами.

Виоле еще и шести не исполнилось, но она запомнила, как ей было страшно. Она спряталась под кроватью и замерла там, прислушиваясь.

Родители осторожно возражали.

– Ты опомнись, Василий! Она спичку-то зажечь не умеет еще! – пытался вразумить пострадавшего односельчанина отец.

– Может, искры ветром раздуло? Или угли из поддувала на пол выкатились, да ты не заметил? – предположила мама («Мама Катя», – мысленно поправила себя Виола).

– Угли выкатились, говоришь? Не-е-т. Я что, первый раз, что ли, баню растопил? Никогда не выкатывались, а тут, значит, выкатились, и как раз тогда, когда Виолка ваша к нам наведалась! Ежу понятно – она это натворила! Бельмы свои бесовские выкатила, вот и вспыхнуло... Они ж у ней горели, точно угли, белые угли, точь-в-точь! С такими глазищами никаких спичек не надо!

– Ну, чего придумываешь-то? Ничего не поделать, так уж случилось, никто здесь не виноват. Зачем пятилетней девочке твою баню поджигать? – голос мамы Кати потяжелел, – похоже, она начала сердиться.

– Еще спрашиваешь «зачем»? Это ж ведьмино отродье, всем известно! А у них только одна радость – человеку напакостить, чтоб злился да горевал!.. Они в нашем горе свою силу черпают!

– А ну, проваливай! – взревел отец, и что-то громко зашуршало в прихожей – кажется, разгневанного гостя выталкивали за порог.

– Ладно, ладно, сам уйду! – донесся издали его визгливый голос. – Но заявлю, так и знайте! Заплатите мне за все!

– Заявляй, куда хошь! И про ведьмины бельмы напиши там, не забудь! Ишь, ведьмоборец нашелся! – прокричал отец, и тотчас громко хлопнула входная дверь.

– Вот тебе, вот тебе! Получай, злобная псина!

– Отойди, я тоже хочу его стукнуть! Ты ж не один!

– Отодвинь другую доску, эту дыру я сделал, сколько захочу, столько и буду тут стоять!

Двое мальчишек толкались возле дыры в деревянном заборе, оспаривая друг у друга право ткнуть палкой в цепного пса, неистово скачущего во дворе, в полуметре от них. Живот-

ное рвалось к обидчикам и злобно хрипело, придушенное растянувшимся ошейником, глаза горели яростью, по краям ощеренной пасти свисала пена. Тяжелая цепь гремела в такт рывкам.

На дороге напротив двора с собакой три девчонки спорили между собой из-за прыжков через скакалку:

- Выше руки держи, пыль поднимаешь!
- Земля пыльная, я-то при чем? Ты точно так же прыгаешь!
- Да ну! Давай, покажу мастер-класс!
- Покажешь, когда твоя очередь наступит. После я прыгаю.
- Ой, да прыгайте, сколько влезет! Сто лет не нужна мне ваша скакалка. Пойду лучше

шоу посмотрю.

- Где?
- Да вон, пацаны Цезаря дразнят. Ну и зубищи, даже отсюда видно.
- Влетит им, и тебе заодно.
- От кого влетит-то? Хозяева Цезаря тоже у Мясниковых на поминках.

Виола бесцельно слонялась по улице неподалеку от дома, откуда недавно вынесли гроб с мертвым хозяином, дядей Гошей. Родители уехали на кладбище с целой толпой соседей и родственников, в доме шли приготовления к поминкам, и детей – двух мальчиков и трех девочек вместе с Виолой отправили на улицу, чтобы не мешали.

Девчонки нашли в сених старую скакалку и прыгали через нее посреди пыльной дороги, пролегавшей между домов. Мальчишки подобрали палку и отправились к соседнему дому дразнить овчарку.

Виола держалась в стороне, украдкой поглядывая на тех и других. На сердце у нее было тревожно. Она чувствовала, что вот-вот случится несчастье, но не знала, что именно это будет и как его предотвратить. Девчонки бросали на нее косые взгляды и перешептывались некоторое время после того, как она, отказавшись составить им компанию, отошла в сторону. Но вскоре они потеряли к ней интерес. Мальчишкам вообще ни до кого не было дела. Забава с собакой целиком захватила их.

- Видел, видел? Я ему острием прям в нос попал!
- Ха! Красавчик!
- Ща я его усмирю! Он у меня ща скулить будет!

Но пес не скулил, а рычал, угрожающе выл и хрипел. Девчонки бросили скакалку в траву и пришли подбодрить героев. Лишь одна сказала неуверенно:

- Ему же больно.
- Да мало ему! – заявил один из ребят, невысокий и щуплый, с черными кудрями. – Он однажды батю моего покусал! Хорошо, на бате куртка кожаная была. Повезло.

– Но он же на цепи. Охраняет. Его за это и кормят. – Виола не выдержала и подошла поближе, чтобы высказаться.

– О, смотрите, ведьма явилась! – воскликнул второй мальчишка, постарше, и ткнул в сторону Виолы указательным пальцем. – Отец говорит, она соседскую баню сожгла! И ей ничего за это не было! Может, и ей всечь палкой?

Виола попятилась обратно к дороге. Мальчишки отвернулись от нее и снова принялись по очереди лупить пса, – видимо, это занятие доставляло им больше удовольствия, чем препирательства с девчонкой, пусть даже с такой, которую считали ведьмой.

Внезапно лай прекратился, и пронзительный девичий визг, полный ужаса, резанул слух. Цезарь сорвался с цепи, сбил с ног кудрявого мальчишку и замер над ним, вонзив зубы в его шею.

Все дальнейшие события Виола наблюдала, словно со стороны, хотя и была в них главным действующим лицом. Не отдавая себе отчета, она в мгновение ока очутилась на месте трагедии, присела рядом с псом, разжала ему челюсти, взявшись за них обеими руками, и оттолкнула со

словами: «Уйди!» Пес жалобно заскулил и скрылся в будке, а Виола склонилась над горлом мальчика и подула на сочащиеся кровью ранки. Она не знала никакого колдовства и ничего такого не делала, просто всем сердцем пожелала, чтобы смертельные укусы исчезли. Песня сама наружу вырвалась, даже не песня – мелодия, какие младенцам напевают, когда те почти уснули, и слова становятся лишними, – тогда их едва слышным голосом убаюкивают.

Укусы растаяли прямо на глазах, осталась лишь кровь на шее и длинные царапины на щеке от собачьих когтей.

Чьи-то руки грубо схватили Виолу за воротник свитера, рывком оттащили назад. Толпа взрослых, собравшаяся вокруг, шумела и выкрикивала:

– Ведьма! Ведьма!

– Она натравила пса!

– Из-за нее Цезарь бросился!

Кудрявый мальчишка закашлялся, а потом заплакал.

– Где у тебя болит? – участливо спросила какая-то женщина, разглядывая его щеку. – Бедный ребенок! Вызовите скорую, он весь в крови!

– С ним все в порядке, – сказала Виола, но вряд ли ее услышали. Все гневно кричали или причитали, жалея покусанного мальчика.

Кто-то из стоявших позади людей дернул Виолу за волосы. Она вскрикнула и обхватила голову руками. Появился отец, с тревогой оглядел ее и с облегчением выдохнул, не обнаружив травм, затем поднял на руки и пошел прочь, расталкивая односельчан могучими плечами.

Чем взрослее становилась Виола, тем чаще случались в ее жизни горести. Но были среди них и радости, редкие, но яркие, как солнечные дни в осеннюю пору. Одна из них вспоминалась чаще всего – это была целая неделя радости, когда к ней приехала погостить двоюродная сестренка-ровесница из далекого сибирского городка, Тильда Санталайнен. Ее отец приходился родным братом приемному отцу Виолы. Тогда Виола еще не знала историю своего происхождения и считала Тильду своей настоящей сестрой. Но, и узнав, она не стала любить ее меньше, как и родителей. Она и раньше догадывалась, а теперь окончательно убедилась, что совершенно не важно, какая у человека кровь, ведь родственные узы находятся не в крови, а в душе.

К сожалению, Тильда побывала у них всего один раз и больше не приезжала, потому что даже в эту счастливую неделю без горестей не обошлось. Вернее, обошлось, но чудом: Тильда едва не перешагнула опасную черту, отделяющую жизнь от смерти.

4. Каменный великан

Этот случай произошел три года назад, в начале мая. На Пальеозерской ГЭС готовились к водосбросу – звучит обыденно, но на самом деле это грандиозное событие, которое представляет собой захватывающее зрелище, привлекающее в Гирвас множество туристов. Обычно народ начинает съезжаться в поселок в конце апреля, чтобы успеть посмотреть на вулкан до того, как тонны водной массы вырвутся из водохранилища и обрушатся вниз, превратив его в водопад. Но, видимо, в тот год на электростанции что-то пошло не так: водосброс перенесли на седьмое мая. Виола обрадовалась: Тильда, которую она пока что ни разу не видела, должна была приехать в первых числах, а значит, еще успевала посмотреть на каменного великана. Интересно, удастся ли сестре его разглядеть? До сих пор, кроме Виолы, никому не удавалось. Даже отец, которому она прямо указала на лицо великана, видневшееся в просветах между лесными кущами, лишь посмеялся и назвал ее фантазеркой. Виола не понимала, в чем дело – не то у нее зрение особенное, не то великан не желает, чтобы другие люди его заметили.

Наступил май, и вместе с этим – долгожданный день приема гостей. Дверь открылась, загремели чемоданы, перекатываясь через порог, следом появился дядя Петр – крупный мужчина, похожий на отца Виолы, за его спиной замаячила худенькая девушка с белыми пышными волосами, торчащими из-под вязаной шапочки бледно-голубого цвета, наверное, специально выбранной под цвет глаз.

Виола едва сдержала восхищенный вздох: Тильда показалась ей неземной красоткой, – трудно было представить, что она всего лишь из Сибири, а не с далекой планеты, населенной расой прекраснотелых гуманоидов. Правда, вид у нее был не очень-то приветливый: взгляд колючий, белесые брови сошлись «галочкой» над тонким точеным носом, губы сжались бантиком и съехали вбок – явный признак нескрываемого недовольства.

– Тильда, ну ты хоть поздоровайся! – немного смущенно произнес дядя Петр, отступая в сторону и подталкивая дочь вперед.

– Здравсти. – Губки «бантиком» разомкнулись на миг и переместились на другую сторону лица.

– Переходный возраст, сами понимаете. – Петр виновато пожал плечами и покосился на Виолу. – Ты тоже дерзишь родителям?

Виола от неожиданности округлила глаза, не зная, что ответить на это, но, к счастью, мама Катя выручила: заворковала что-то о том, как хорошо, что они смогли выбраться несмотря на все дела и проблемы, отвлекла внимание на себя, и мгновенно сгладила неловкий момент. Отец пожал Петру руку, улыбнулся Тильде, подхватил чемоданы и со словами: «Пройдите, проходите», понес багаж в комнату, отведенную для гостей.

– Хочешь, покажу наш дом? – спросила Виола, глядя на Тильду с некоторой опаской.

Та вдруг кивнула, приветливо улыбнулась, и заявила с вежливой ехидцей:

– У вас тут почти все дома одинаковые. Серенькие такие.

– Ага, – охотно согласилась Виола и добавила: – Зато мы живем на вулканах.

– Шутишь? Какие еще вулканы?

– Самые настоящие. Их тут полно. Сама увидишь. А еще у нас есть летний дом на Пальеозере, это близко, полчаса на машине. Там песчаный берег и сосны. Всю неделю тепло обещают. Можно покататься на лодке. Если ты не против, отец нас свозит.

– Давай. Все лучше, чем в унылой деревне торчать!

– Точно. – Виола была рада, что Тильда согласилась на все предложения, и не поняла, почему Петр, выглянув из кухни, окинул свою дочь осуждающим взглядом.

Виолу охватило предвкушение счастья: она представляла, что они с Тильдой подружатся, и она покажет ей сосну-карсикко и каменного великана, а еще поделится секретом о песне,

живущей внутри нее. Вот, должно быть, сестра удивится! И наверняка придет в восторг от местных красот.

Так и вышло. Они колесили по озерному краю на отцовском внедорожнике, забираясь в отдаленные укромные уголки, недоступные обычным туристам, – у отца имелась старая карта заброшенных деревень и забытых дорог, по которым можно было проехать, лишь зная особые секреты. Но иногда секретов оказывалось недостаточно, и отец вместе с дядей Петром толкали машину, застрявшую в грязи, пока Тильда, млея от удовольствия, самозабвенно давила на педаль газа, а Виолу распирало от гордости за сестру, которая села за руль впервые в своей жизни и ничуть не растерялась. После очередного выкорчевывания внедорожника из топкой ловушки отец каждый раз заявлял, что дальше ехать опасно, и мама Катя его поддерживала, а Тильда настаивала на том, чтобы продолжить путь, и Виола присоединялась к ней. Дядя Петр какое-то время сохранял нейтралитет, а потом, поддавшись на уговоры дочери, предлагал рискнуть. Награда за риск превзошла все ожидания: им удалось добраться до деревушки под названием Тимойгора, где их встретил трехметровый деревянный ангел, стоявший с вытянутыми вверх руками и расправленными крыльями, – казалось, он вот-вот взлетит. Местные жители рассказали, как всей деревней устанавливали эту статую, которую изготовил петербургский мастер, приезжающий в Тимойгору каждое лето вместе с женой. Целых пять лет он трудился над своим деревянным творением, – оказалось, что в нем даже не три, а три с половиной метра.

Петляя мрачными еловыми лесами, они миновали совершенно разрушенную временем деревушку Пегрему и сделали остановку на «Поляне идолов» с древними захоронениями и следами ритуальных действий в виде очагов и загадочного инвентаря. Идолы – огромные каменные глыбы – поражали сходством с фигурами животных. Поляна дохнула на них тяжелым затхлым воздухом, пропитанным темными недобрыми тайнами, и всем неожиданно захотелось вернуться домой. Добрались уже за полночь и, наскоро поужинав, улеглись спать.

Наутро всем составом отправились в дом на Пальеозере и провели там три чудесных дня с неспешными прогулками в сосновой роще и посиделками на берегу у костра. Отец и дядя Петр по очереди играли на гитаре, вспоминали детство и студенческие годы, мама Катя готовила рыбу на углях, а Виола понемногу открывала Тильде свои секреты. Правда, Виоле показалось, что сосна карсикко не очень-то впечатлила ее сестру, Тильде даже «волшебницу» на стволе не удалось разглядеть, хоть рисунок был прямо у нее перед носом, что уж говорить о каменном великане, спрятанном среди лесов и вулканической породы, да еще вросшем в землю – вряд ли она его увидит и, конечно, не поверит, что он существует. Но каменного великана Виола приберегла напоследок и пока ни словом о нем не обмолвилась. Как вернуться в поселок, так она и ответит туда Тильду.

На четвертый день на Пальеозере разыгрался почти настоящий шторм, к берегу прибило остатки льда, и пришлось отказаться от прогулки на лодке. Отец сокрушался, что гости так и не побывали на острове Большой. Звонок телефона прервал его на полуслове: звонили с работы, с той самой электростанции, где готовились к водосбросу. Встревоженный голос просил срочно явиться, что-то там случилось непредвиденное. Отец даже заметно разволновался.

Наспех побросали вещи в машину и поехали в поселок. Пока выгружались во дворе, отцу еще несколько раз позвонили. Мама Катя прислушивалась, когда он отвечал, и бледнела, но, заметив на себе любопытные взгляды девочек, тотчас притворялась беззаботной. Как только из багажника извлекли все сумки и рюкзаки, отец сразу же умчался, не заходя в дом. Петр тоже уехал с ним.

Вернулись они глубокой ночью. Виолу разбудили стук двери, шаги и голоса в прихожей.

– Ну, что там? – с беспокойством спросила мама Катя, поднявшаяся с постели, чтобы встретить мужчин.

– Слава богу, все в порядке, – устало ответил отец. – Практиканты, будь они неладны, везде свой нос суют, где их не просят! Петру спасибо, хорошо, что со мной поехал, помог разобраться. Не только в газовом оборудовании понимает, но и в водяном. Широкого профиля специалист!

– Что-то с системой водосброса? – Мама Катя сразу успокоилась и протяжно зевнула.

– Ага. Планировали на завтра, но из-за сбоя аж на неделю отложили. Так и не увидят гости наш водопад.

– Ничего страшного, значит, еще раз приедем! – заверил его Петр.

– Правильно! – одобрил отец. – Кать, у нас рыба-гриль с Пальеозера еще осталась? Мы голодные, как волки.

– Ну, раз как волки, то, может, лучше мяса? Я с вечера жаркое приготовила, еще не остыло.

У Виолы отлегло от сердца, и она снова уснула. Даже звон посуды в кухне ей не помешал.

По всему поселку сновали туристы. Одни шли в сторону Гирваса, другие возвращались оттуда с разочарованным видом – уже узнали, что сегодня водосброса не будет. Большая группа молодежи – все как один в брендовом туристическом обмундировании, с раздутыми рюкзаками за спиной – стояла у продуктового павильона и вела оживленную беседу, обсуждая новость о переносе даты главного события, составлявшего основную цель их приезда. Кто-то грустно вздыхал, кто-то сердито возмущался, вспоминая о потраченных впустую деньгах, и все горячо спорили о том, стоит ли вернуться домой несолоно хлебавши или лучше остановиться на неделю «в какой-нибудь хибаре» и все-таки дожидаться зрелища.

Виола ничуть не огорчилась из-за отсрочки водосброса. Подумаешь, водопад! Только шум да лишнее беспокойство. Ну, красиво, конечно, но не жалко. Ведь теперь можно будет целый день бродить по вулкану, не думая о том, что вот-вот завоет сирена, и придется покинуть место, где спит каменный великан. Да еще наверняка большинство туристов разъедется, и шумные толпы не будут заслонять обзор.

Правда, по дороге к Гирвасу у Виолы на душе заскребли кошки: мама Катя отпустила их с Тильдой одних, взяв с дочери обещание не заводить сестру в дебри и не спускаться в русло реки Суны. Вначале она вообще была против их прогулки без взрослых, беспокоясь за Тильду, «изнеженную городскими тротуарами», которая могла оступиться на такой труднопроходимой местности, но отцы девушек еще спали после бессонной ночи, а мама Катя считала себя слишком неуклюжей для подобных вылазок. Пришлось Виоле согласиться со всеми ее требованиями, зная, что она их не выполнит, – иначе зачем тогда вообще идти на Гирвас? Но Виолу беспокоили не только угрызения совести от того, что она соврала. К ним прибавилось дурное предчувствие. Вот, снова внутри что-то неприятно кольнуло, а дыхание сбилось, словно чья-то холодная рука легла ей на горло.

– Ничего себе, два миллиарда лет! – Возглас Тильды отвлек Виолу от тревожных раздумий.

– Что? Ты о чем? – спросила она сестру, растерянно моргнув.

– Палеовулкан ваш, Гирвас. Я загуглила, написано, что он один из самых древних! – Тильда шла, уткнувшись в экран смартфона и не смотрела под ноги. Виола на всякий случай взяла ее за руку.

– Да, очень древний. Но лучше потом считаешь, скоро тропинка кончится, а за ней уже сложный рельеф пойдет.

– Представь, а открыли его только в шестидесятом году, не так уж и давно, когда плотину для ГЭС построили. Русло реки пересохло, и стали видны застывшие лавовые потоки! – продолжала Тильда, пропустив предостережения мимо ушей.

Виола остановилась, удерживая сестру.

– Не читай на ходу. Убьешься еще.

Тильда вскинула голову, устремив взгляд вдаль, и чуть не выронила гаджет.

– Ох, ни-ичего себе!

На мгновение Виоле показалось, что сестра увидела каменного великана, хотя с этого места открывался не самый лучший обзор. Но оказалось, причиной восторга стал вид на Гирвас – такой, каким его видели все остальные люди. Сама Виола считала, что кроме великана восторгаться там особо нечем – просто серая порода в буграх и трещинах, похожая на шкуру носорога. Но ей было приятно, что сестре понравилось. В глазах Тильды загорелся неподдельный интерес.

– Да-а... Надо же, когда-то здесь был настоящий вулкан! – Она все-таки спрятала гаджет, но перед этим успела еще немного прочитать и сообщила: – Ученые предполагают, что в пик своей активности он достигал три тысячи метров в высоту. И куда все подевалось? Неужели такая громадина в землю вросла?

– Так и есть, – подтвердила Виола, придерживая под руку сестру, – они начали спускаться вниз по склону, покрытому древним лавовым слоем и островками коричневатой воды, застывшей в углублениях и трещинах.

Вулканическая поверхность вилась каменной змеей и терялась вдаль за лесным массивом. Там, вдоль кромки сосновой рощи, двигалась группа туристов в разноцветных куртках. Среди них были и дети. Бросилось в глаза яркое канареечное пятнышко на фоне леса: мальчишка лет восьми в желтом жилете и белом свитере метал камешки в воду, стоя на песчаном мысу реки Суны, от которой остался лишь звонкий ручеек. Грузная женщина в синей ветровке обзревала окрестности сквозь камеру смартфона, подыскивая ракурс для удачного кадра. Два парня в похожих спортивных костюмах лениво прыгали по россыпи округлых валунов, выступавших над водой. Поблизости три девушки весело смеялись, поглядывая в их сторону. Девочка лет десяти в сиреновом комбинезоне протягивала руки к высокому бородатому мужчине в кепке цвета хаки, тот с интересом разглядывал что-то, лежащее на ее раскрытых ладонках.

Виола порадовалась, что вокруг больше никого не было. Вскоре эти люди тоже уйдут: видно, что они здесь уже давно – по выражению лиц всегда несложно отличить тех, кто только что начал обзор, от тех, кто вдоволь налюбовался местными красотами. Еще немного, и Виола поделится с сестрой своим самым сногшибательным секретом. Целую неделю терпела, осталось лишь чуть-чуть подождать.

Рука Тильды неожиданно выскользнула из ее пальцев.

– Куда ты? погоди! – спохватилась Виола, глядя, как сестра бежит вниз, проворно перебирая ногами. Она хотела было последовать за ней, но вдруг позади послышался шум – едва различимый, но хорошо знакомый шум, от которого сердце встрепенулось в груди и зачастило, как отбойный молоток.

Звук был похож на шелест листвы или шорох сосновых крон при сильном ветре, – но это пока. Виола слышала, как он нарастает и тяжелеет. Пройдут считанные секунды, и далекий шум доберется сюда, превратившись в непрерывный оглушительный грохот.

Водосброс!

Повинуясь инстинкту самосохранения, девушка метнулась в сторону, к поросшему молодой травкой берегу высохшей реки, куда вода обычно не достигала, а затем помчалась вниз по склону.

– Тильда! Тильда! Сворачивай к лесу! – Виола старалась кричать во всю силу своих легких, но отчего-то силы совсем не было. От панического страха голос предательски осип. Тем временем сестра бежала дальше, по направлению к группе туристов, иногда оборачиваясь и беззаботно смеясь.

– Кр-руто! – Она размахивала руками и кричала, заглушая зов Виолы. – Догоня-йй!

Мимо с тяжелым хрустом прокатился огромный валун, сброшенный сверху водной массой. Движение камня привлекло Тильду – она заметила его и, посмотрев выше, изменилась в лице. На миг ее взгляд остановился на полоске белой пены, показавшейся вдали, ее глаза расширились в панике, она растерянно огляделась, и, заметив Виолу, зовущую ее с берега, побежала к ней. До безопасного места было недалеко, Тильда вполне успевала уйти от опасности, но почему-то повернула в сторону и продолжила бежать вниз, оставаясь в границах русла.

Виоле показалось, что ее сердце рухнуло и обожгло все внутренности при виде девочки в фиолетовом комбинезоне, сидевшей на корточках среди камней, в самом центре сухого русла. Малышка с сосредоточенным видом выковыривала что-то из расщелины и не смотрела по сторонам, но, заслышав за спиной топот ног мчавшейся на нее Тильды, резво вскочила и с визгом побежала к взрослым, которые еще не подозревали об опасности. Тильда попыталась схватить ее, но не успела и, пролетев вперед пару метров, рухнула на землю, покрытую бугристым вулканическим панцирем.

«Она не успеет. И девочка тоже», – медленно подумала Виола, словно ее мозг отказывался выдавать подобные мысли.

Послышались испуганные крики туристов, всполошившихся при виде водяного горба, выросшего над склоном. Мальчик в канареечном жилете бросился навстречу девочке – по направлению к потоку воды, похожему на цунами. Седовласый мужчина сорвался с места и побежал следом за ним, на ходу прокричав остальным что-то предостерегающее, – наверное, потребовал, чтобы они ушли на безопасное расстояние. Женщина в синей куртке выронила телефон, схватилась за голову и осела на землю. Одна из девушек склонилась над ней. Ее подруги и двое парней стояли в замешательстве, уставившись вдаль, на водопад, зарождавшийся прямо у них на глазах.

Тильда приподнялась, оглянулась и резко отвернулась, не пытаясь бежать, – поняла, что это бессмысленно. Она вжала голову в плечи и съежилась. Первые крупные брызги посыпались на ее сгорбленную спину.

Виоле хотелось кричать от ужаса, но вместо этого она стояла, открыв рот, и чувствовала, как звук, застрявший глубоко в груди, звенит и вибрирует там, бьется, словно пойманный и заточенный в банку майский жук. Вдруг она поняла, что это рождается песня – особенная, волшебная песня, которая возникает сама по себе, без ее, Виолы, вмешательства. Такую песню нельзя взять и спеть просто так: прежде чем вырваться на волю и полететь над землей, песня должна соткаться в кружево из чувств и желаний – так же, как настоящее магическое заклинание.

Сейчас у Виолы было лишь одно желание – чтобы каменный великан очнулся от векового сна и заслонил Тильду и всех людей своей огромной могучей ручищей.

По склону снова прокатился валун, за ним посыпались, высоко подпрыгивая, мелкие камешки. Водяные буруны надвигались, кружась в бешеном танце и расшвыривая вокруг клочья белой пены, те падали на сухую земную твердь и превращались в капли воды, сверкавшие под солнцем бриллиантовыми россыпями.

Из горла Виолы наконец вырвался звук – густой, как концентрированный сироп, почти осязаемый, – и мгновенно растекся в воздухе, заполняя пространство. Тотчас где-то неподалеку захрустели, ворочаясь, камни, затрещала, лопаясь, лавовая корка, и над пока еще пустым руслом взметнулось что-то темное, длинное и громадное. Виола не успела разглядеть, на нее обрушился фонтан брызг, и она невольно зажмурилась. Но не замолчала: песня-мольба продолжала звучать, не требуя от нее ничего, даже вдоха, хотя воздух в легких давно закончился. Мелодия не прерывалась ни на миг и могла длиться столько, сколько потребуются, хоть вечность. Но она смолкла, когда плеча Виолы коснулась чья-то рука, а потом дрожащая Тильда прильнула к подруге, и вместе они, потеряв равновесие, рухнули на траву.

– Ве-е-едьма! Смотрите, там наша ве-едьма! Я ее вижу! Во-он она! – Издалека донесся истошный крик.

Со стороны поселка, вдоль берега бушующей реки, бежали люди. Кто-то показывал рукой в сторону Виолы.

– Точно, из-за нее плотину прорвало! Она наколдовала!

– Она, она! От нее все беды! Уж я-то знаю!

Испугавшись, что толпа односельчан вот-вот на нее набросится, Виола вскочила на ноги и бросилась бежать, оставив Тильду, которой ничего больше не угрожало. Ее взгляд скользнул вдаль, к пестрым пятнышкам на другом берегу реки. Заметив среди прочих желтое и фиолетовое, Виола с облегчением выдохнула и ускорила темп.

Дома была только мама Катя, отец вместе с Петром уехали на электростанцию, выяснять причину аварии, из-за которой произошел незапланированный водосброс.

– Что с Тильдой? – спросила мама Катя, едва шевеля бледными синеватыми губами.

– Она в порядке. Скоро придет. – Слова давались Виоле с трудом, в горле першило, язык еле ворочался.

– Не понимаю. Что это значит? – донеслось вслед, когда Виола уже закрывала за собой дверь своей комнаты.

Она не стала ничего отвечать. За одним вопросом последует другой, еще и еще, потом придет Тильда и тоже начнет расспрашивать, а говорить Виола не могла, слова царапались, как колючки. Она упала на кровать лицом вниз и замерла, чувствуя, как тело вибрирует, точно струна, с которой только что сорвался звук. Незаметно ее сморил сон.

Проснувшись только утром. Горло уже не болело, поэтому в первое мгновение Виола усомнилась в реальности случившегося на Гирвасе, но потом осознала, что это ей не приснилось. Обычно песня рождалась лишь по ночам, и тогда Виола, пробудившись, обнаруживала себя в самых разных местах поселка, куда забредала, находясь в бессознательном состоянии. Впервые это случилось днем и при свидетелях. Виола уже собиралась выйти из спальни, когда Тильда сама заглянула к ней.

– Привет! Выспалась? Я из-за стресса всю ночь уснуть не могла, – сообщила сестра, устраниваясь в кресле напротив кровати. – Отец говорит, что лишь чудом никто не пострадал из-за аварии. Повезло нам.

Виола спросила:

– Как ты?

– Как видишь, жива. А ты? Чего убежала-то? Из-за уродов, которые тебя ведьмой обзывали? Они что, ненормальные? При чем тут ты?

– Ты видела каменного великана? – спросила Виола, готовясь к восторженным возгласам сестры, но та лишь удивленно пожала плечами.

– Какого еще великана? Ты что?

– Ну как же... Он поднял руку и остановил воду, чтобы ты и остальные успели убежать.

– Ну, ты даешь! – Тильда рассмеялась, решив, что это шутка, но увидев, что Виола осталась серьезной, добавила: – Мы успели убежать, потому что вовремя заметили начавшийся водосброс. Вода была еще далеко.

– Ясно. – Виола кивнула, поджимая губы. Не было смысла ничего доказывать, Тильда все равно не поверит.

На следующий день Тильда и ее отец уехали домой, в свой большой сибирский город. По дороге на вокзал никто не вспоминал об аварии на пальеозерской электростанции и непредвиденном водосбросе, будто ничего этого вовсе не было.

Сосна-оберег раскачивалась под порывами ветра, и Виола, обнимавшая шершавый, вкусно пахнущий смолой ствол, раскачивалась вместе с ней. Легкое поскрипывание дерева

успокаивало, но сырой песок охлаждал колени, обтянутые намокшими джинсами. Вдали сверкала гладь Пальеозера, в воде у берега отражалась верхняя часть дома вместе с печной трубой и тонкой струйкой дыма над ней. На песке перед входом в дом проскользнула отцовская тень – наверное, маме Кате еще дрова понадобились, хочет пожарче натопить.

Кто-то приближался к Виоле сзади, со стороны леса: звуки шагов тонули в скрипе сосен и шорохе хвои, но Виола слышала их и насторожилась. Не успев оглянуться, она уже знала, кого увидит за спиной. Иногда с ней такое случалось – увидеть незримое мысленным взором, – причем, это происходило произвольно, а не тогда, когда бы ей этого хотелось.

К ней направлялись трое человек: парень с азиатской внешностью лет двадцати, мужчина постарше в строгом пальто и шляпе, и хрупкая светловолосая девушка, – вот она-то была хорошо знакома Виоле. Но как? Каким же чудом она оказалась здесь?!

5. Сила могилы

Визжа от боли и злости, Божена отчаянно колотила правой ногой взбесившегося кадавера, повисшего на левой. Мерзкое человекообразное существо впилося в ее лодыжку и разжимало зубы лишь для того, чтобы укусить кого-нибудь из этерноктов, суевившихся рядом в тщетных попытках его оттащить. При этом хватка существа, вонзившего в плоть Божены не только зубы, но и острые крепкие ногти, нисколько не ослабевала.

– Уберите эту тварь! Мне бо-ольно! Моя нога! Он же ее откусит, черт! – Божене казалось, что она вот-вот умрет.

– Пункки! Пункки, перестань! Немедленно перестань! – кричал Руубен. Голос его звучал испуганно и жалко, – неудивительно, что кадавер никак не реагировал на требования своего хозяина.

– Чего вы ждете?! Убейте же его! – взывала Божена, возмущенная беспомощностью своих соратников.

Бронзовая статуэтка, зажатая в чьих-то руках, взметнулась в воздух и обрушилась на плешивую голову Пункки. Череп хрустнул, как ореховая скорлупа. Кадавер, точно клещ, напившийся крови, отвалился от Божены. Его лицо, иссеченное глубокими морщинами, посерело, глубоко ввалившиеся глаза подернулись мутной пленкой, но не закрылись: Пункки обвел собравшихся бессмысленным взором, после чего перевернулся на бок, встал на четвереньки и проворно пополз куда-то, низко свесив разможенную голову. За ним тянулся след из влажных пятен.

– Что вы наделали! – Побелевшая кожа Руубена, густо покрытая темно-коричневыми веснушками, напоминала скорлупу перепелиного яйца. – Теперь Пункки превратится в друга!

У Божены вырвалось грязное ругательство. Другр! Только этого еще не хватало! С приказом убить кадавера она явно поспешила, ведь знала, что умерщвление человеческого тела, соединенного с демоном мертвоцепью, приведет к тому, что демон освободится от заклатья, и после этого обуздать его будет почти невозможно. Мало того, демон полностью овладеет телом, испустившим дух! Имея глубокие познания в мифологии разных народов, Божена содрогнулась, представив себе, что может натворить вышедший из-под контроля другр – живой мертвец, обладающий огромной силой, прожорливостью и устойчивостью к разложению. Впрочем, возможность обезвредить Пункки все же была. Выбирая демонов на ярмарке в Лихоморье, Божена всегда интересовалась способами их усмирения, и, если нужно, приобретала необходимые средства для этого. Она вспомнила, что меркатор, торговавший нечистью, передал вместе с другром кусочек пергамента с руническими символами, которые следовало высечь на камне в день смерти кадавера, одержимого этим демоном, а камень установить на могиле сразу после погребения тела. Тогда Божене казалось, что в этом нет ничего сложного. Теперь она не представляла себе, как они будут хоронить труп, способный быстро бегать и зверски кусаться.

– Поймайте его и запрягите где-нибудь, пока он не разнес весь музей! – потребовала Божена, обеспокоенная возникшей проблемой до такой степени, что даже мысли о травмированной лодыжке отошли на задний план.

– Боюсь, это невозможно! – ответили ей. – Кадавер сбежал. В огромном здании мы его не найдем, если только он не вздумает сам на нас поохотиться.

– Растяпы! – рывкнула она, поднимаясь с пола. Ее тотчас услужливо подхватили под руки, помогая встать, и проводили к креслу, куда она опустилась со страдальческим стоном. – Руубен, что вы стоите столбом? Несите аптечку и обработайте мою рану. Ах, да! Захватите еще картину, что висит на стене у двери вашей каморки.

На первый взгляд картина не представляла собой ничего особенного: одинокая гора, припорошенная снегом, да чахлая сосенка, скрюченная на склоне у ее подножия, – унылый пейзаж, способный доставить удовольствие лишь меланхоликам. Ее установили на столе, подперев сзади двумя гипсовыми барельефами.

– Так что вы на ней увидели такого интересного, а, Руубен? – спросила Божена, когда финн закончил бинтовать ее лодыжку и теперь стоял, пряча глаза, с видом побитой собаки. Но едва тот открыл рот для ответа, она сама заставила его молчать, вскинув руку в предупреждающем жесте.

Картина ожила.

Дрогнула сосновая ветка. Скрипнул снег, сминаемый чьей-то ногой. На горном склоне, освещенном луной, возникла – словно просочилась сквозь камень – человеческая фигура. Размытый силуэт прямо на глазах приобрел объем и четкость. Когда обозначилось лицо, оно показалось Божене знакомым.

– Лоухи? Вот так встреча! Не ожидала! – Божена даже с кресла приподнялась, подавшись вперед, но тут же поморщилась и села обратно, – покусанная лодыжка давала о себе знать.

Женщина на картине раскрыла редкозубый рот в чудовищной улыбке.

– Помню тебя, чужестранка! – послышался скрипучий голос, исходивший прямо из холста, и столпившиеся вокруг этернокты взволнованно зашептались, хотя все они повидали в своей долгой жизни еще и не такие чудеса.

– Любопы-ытно, – протянула Божена, прищуриваясь. – Как же занесло тебя в это нарисованное место?

– Было время, закахивал в мои земли один человек, смелый, но глупый. Умные – те не пойдут в пределы Похьолы по своей воле, а этот приходил, очень уж хотелось ему на просторы здешние полюбоваться. Понравился он мне, позвала я его в гости, накормила досыта, сводила в баню, покатала на лодке по реке, и он мне добром отплатил – нарисовал меня у горы, перед входом в подземелья Маналы. – Старуха шагнула в сторону и показала на темную расщелину за своей спиной. – Вот отсюда он приходил, мой храбрец! Трудным был его путь, все силы у него отнимал. Бывало, доводилось мне этого героя травами целебными отпаивать да мазями натирать. Смелый был человек, говорю тебе! Не каждый дерзнет спуститься в нижние пределы мира и пройти берегом черной Туонелы, что течет по страшным урочищам Маналы. Но и этот храбрец дрогнул, когда увидел, что картина его ожила – и я на ней ожила тоже. Замазал он меня серой краской, сровнял с горным склоном. Думал, это меня остановит! – Ведьма визгливо хихикнула, сверкнули под космами ее злые глаза. – Глупый был человек! С тех пор я могу, когда вздумается, посмотреть на мир, откуда он был родом, и, бывает, люди из этого мира тоже видят меня.

– Как интересно! – Божена разволновалась. Неужели переход в потусторонний мир найден? – Скажи, дорогая Лоухи, а выйти, выйти из картины ты можешь? – спросила она с надеждой, но собеседница ее разочаровала.

– Художником тот герой был талантливым, но не настолько!

– А сам-то он как к тебе попадал?

– Говорю же, через нижний мир ходил!

– Но он же... он не в виде призрака был? Ты говоришь, что кормила его, в бане парила. Значит, он в своем теле приходил?

– Так и есть.

– Но как же это у него получалось?

– Э-э... Что-то говорил он об этом. – Ведьма задумчиво поскребла затылок. – Вспомнила! Он в могилах чужих устраивался и мертвым притворялся.

– В могилах? – Божена поморщилась и повернулась к Руубену. – Напомните мне имя автора этой картины, что-то вылетело из головы.

– Аксели Галлен Каллела, – мгновенно ответил финн. – Мы встречались пару раз в тысяча девятьсот пятнадцатом.

– Ах, так вы лично были с ним знакомы! Слышали что-нибудь о его перемещениях в потусторонний мир?

Руубен пожал плечами:

– Я тогда не придавал этому значения, но ходили слухи... нет, даже не слухи, а факты – были ведь свидетели... в общем, Каллелу, в самом деле, не раз заставляли лежащим в свежевырытой могиле, но... все считали, что он так вдохновляется. У всех творческих личностей имеются свои особенные способы для этого.

– Ах, вот как! Любопы-ытно... Значит, лежал в свежевырытой могиле, говорите. Свежевырытая – это лучше, чем уже кем-то занятая, такое можно потерпеть, но ... все-таки это еще не совсем могила, как я понимаю? Ведь там не был никто похоронен? Может быть, достаточно просто выкопать яму на кладбище и улечься в нее?

– Могила есть могила, ее роют для умершего человека. Обычная яма, выкопанная просто так, пусть даже и на кладбище, не сработает, думаю, – заметил кто-то из этерноктов, кажется, это был Карл.

Божена обернулась и наградила его одобрительным взглядом.

– Что ж, логично. Значит, нужна именно могила, и к тому же еще не занятая своим хозяином. Это усложняет дело, но попробовать стоит. Как интересно! До чего неожиданный поворот! – Божена вновь взглянула на картину, собираясь подробнее расспросить ведьму о художнике, но той уже и след простыл, лишь зигзагообразная расщелина темнела в горном склоне на том месте, где только что стояла хозяйка холодной и снежной Похьолы – страны злых колдунов.

С посещением кладбища Божена решила не тянуть, благо до рассвета оставалось еще несколько часов, и приказала Руубену собрать походный рюкзак со всем необходимым, включая фонари и теплые пледы на троих. Идти на погост толпой не имело смысла, едва ли там найдутся свободные могилы для всех, поэтому Божена взяла с собой лишь двух попутчиков – Марка и Руубена. Первого придется принести в жертву Осдемониуму (если они доберутся до Лихоморья, конечно), незадачливый и нервный соратник ее раздражал, да к тому же потреблял слишком много недожитка, запасы которого совсем иссякли, и Божена вынуждена была просить порошок у других этерноктов, а те ввали, что у них тоже почти ничего не осталось, хотя наверняка просто жадничали. А вот финн может еще пригодиться ей, он хорошо знаком с биографией художника и карело-финским эпосом «Калевала», где описаны места, в которые они вскоре отправятся, если эксперимент с могилой пройдет успешно. Полезно иметь такого попутчика! Главное, чтобы старуха Лоухи не проболталась ему кое о чем.

Судя по всему, Руубен до сих пор не догадывался, куда подевалась его женушка вместе с их капризным детенышем. Узнав правду, финн, чего доброго, обезумеет и может испортить все дело, ведь он так сильно любил свою Айну, что чуть было не покинул общество этерноктов. Именно поэтому Божене пришлось вмешаться и внести коррективы в его дальнейшую судьбу, без его ведома, само собой. Блаватская послала своих людей проследить за женой Руубена, и те, улучив момент, похитили Айну вместе с дочкой во время прогулки в роще неподалеку от ее дома. Божена собиралась отдать обеих жертв Осдемониуму, но этому помешала хозяйка Похьолы, преградившая ей путь в потустороннем мире. Лоухи заявила свои права на душу Айны: будто бы давным-давно от нее сбежала в мир людей одна девушка-помощница, да прихватила с собой песню-заклинание из шкатулки с колдовскими заговорами. Песня перешла по наследству от беглянки к ее дочери, потом к внучке, к правнучке, и так досталась Айне, – ведьма почуяла свою пропажу, когда Божена переместилась в потусторонний мир вместе с женой Руубена. Пришлось Блаватской уступить хозяйке Похьолы – отдать ей женщину с ребенком. Ведьма поклялась, что, как только песня-заклинание вернется в шкатулку, обе жертвы

– и мать, и младенец, исчезнут с лица земли, и даже следов их нигде не останется. К тому же, Лоухи не поскупилась, расплатилась с Боженой вседеньгой – монетами из особенного колдовского металла, которые были в ходу в любой стране потустороннего мира, имея свойство всюду принимать вид местных денег. Меркаторы на ярмарке в Лихоморье только вседеньгу и признавали, ведь они вели торговлю в разных частях света. Таким образом, Божена только выиграла, отдав Айну с дочерью старухе Лоухи, ведь Осдемониум был скуп и обычно платил меньше, а порой еще и жульничал, подсыпая в кошель со вседеньгой грошовые медяки.

До кладбища добрались на такси, но до входа не доехали и высадились чуть раньше, чтобы избежать лишних вопросов и не вызвать подозрений у водителя, – едва ли тому доводилось привозить сюда пассажиров в ночные часы. Еще не хватало, чтобы он заявил в полицию о странных личностях, отправившихся прогуляться среди надгробий при свете луны. Поэтому пришлось пройти пешком вдоль каменной стены метров триста, а потом еще и перелезть через нее, ведь у главных ворот могли быть установлены камеры видеонаблюдения, а Божене не хотелось, чтобы их потревожили во время медитации на дне чужой могилы.

Но, несмотря на все меры предосторожности, ей казалось, что их кто-то преследует. Божена затылком чувствовала чей-то взгляд, а иногда ей слышались крадущиеся шаги далеко позади.

Кладбище скалилось плотными рядами надгробий – низких прямоугольников, похожих на черные зубы. Их вид тотчас нагнал на Божену тоску и вызвал мысли о гниющих под мраморными плитами телах. Судя по свежим датам смерти на могилах, Божена поняла, что она и ее спутники зашли в новую часть кладбища, где регулярно велись погребения. Здесь с большой вероятностью должна была найтись еще не занятая покойником могила. Так и вышло: уже через несколько шагов Руубен едва не свалился в нее, не заметив в темноте. К счастью, Марк успел ухватить финна за шиворот, – надо же, хоть какую-то пользу принес! Мужчины спустились на дно ямы и расстелили там туристический коврик из вспененной резины, а поверх уложили несколько шерстяных пледов, после чего помогли спуститься туда своей наставнице. Могила оказалась довольно просторной, даже вдвоем им совсем не было тесно. Правда, разлечься, как Каллела, не получилось, но Божена надеялась, что не так уж важно, в какой позе переходить в потусторонний мир – в лежачей или сидячей, поэтому они устроились, подобрав под себя ноги и прислонившись плечами друг к другу, чтобы не касаться стылой земли.

Через некоторое время сверху послышался шорох, за которым последовала череда странных звуков, словно кто-то неподалеку рылся в земле, царапая ее когтями. Жутко завоняло мертвечиной, и раздалось громкое чавканье. Не иначе, здесь водились упыри, пожирающие гниющие трупы. Божену передернуло, и она ненароком толкнула Руубена, а тот – Марка. Последний проворчал недовольно:

– Что-то мне здесь не нравится!

– Можешь идти! Никто тебя не держит! – презрительно, но очень тихо фыркнула Божена, – не хватало еще, чтобы тварь наверху их услышала.

Марк не ответил. Руубен тоже промолчал. В тишине, где-то очень близко, отчетливо слышались клцанье зубов и душераздирающий хруст. Нервы у всех напряглись до предела, и когда порыв ветра швырнул им на головы охапку влажных листьев, сорванных с деревьев, они разом подскочили, истошно визжа и размахивая руками так, что наставили друг другу синяков. Над краем могилы показалась чья-то взлохмаченная голова. Марк вскинул руку с зажатым в ней фонарем, и луч света уперся в перепачканное лицо кадавера Пункки – тот смотрел на них сверху мутными глазами, глухо рычал и, похоже, готовился к прыжку. От ужаса Божене сделалось дурно, она зажмурилась и в тот же миг почувствовала, как земля под ней проваливается.

– Очнитесь, ваше темнейшество! – Голос Руубена проник в ее сознание, даря надежду на то, что она все еще жива. – Можете встать? Нам надо идти.

– Куда идти? – Божена открыла глаза и опасливо огляделась, но все вокруг тонуло в кромешном мраке. – Мы, что, умерли?

– Думаю, нет, но похоже, все-таки перешли в загробный мир.

– Хорошо, значит, план сработал. А где ваш бешеный Пункки? Вы прогнали его?

– Прогнал. Обопритесь на меня. Нам не стоит оставаться здесь слишком долго, нужно искать выход. Думаю, мы найдем его, если пойдем вдоль берега реки.

– Реки? Какой реки?

– Ну как же, той, что течет в Манале, забыли разве? О ней говорила Лоухи.

– Ах, да! Но я ничего не вижу. Марк, включите фонарь!

– Поверьте, не стоит, ваше темнейшество! – возразил Руубен. – Вам лучше не смотреть по сторонам. Да и тревожить здешних жильцов не следует. Просто идите и держитесь за меня, мы с Марком уже осмотрелись и наметили путь: слева от нас река, справа – скала, а между ними хорошо натопанная тропинка, куда-нибудь да выведет.

И они пошли. Точнее – поползли, как улитки, елозя по земле ногами, чтобы не оступиться. Темнота казалась густой и липкой, обволакивала и будто сопротивлялась, не желая пропускать чужаков в свои владения. Из реки доносились всплески, то едва различимые, то резкие и звонкие, а иногда даже мелкие брызги долетали до путников. Божена вздрагивала, крепче сжимала рыхлое плечо Руубена и просила идти побыстрее. Позади нее шел Марк, замыкавший шествие, но Божене казалось, что за ними идет еще кто-то.

– Посветите назад! – потребовала она, отчетливо различив чужие шаги. – Кажется, нас преследуют!

– Лучше нам не знать, кто это, – тихо ответил Руубен. – Надо идти и не останавливаться.

– Нет уж! Дайте мне фонарь! Думаю, свет отпугнет это существо.

– Или привлечет других таких же. А может, и кого пострашнее. Поверьте, если бы нас хотели растерзать, это давно бы уже случилось. Где-то я слышал, скорее всего, от самого Каллелы, что верный способ выжить в чужих и враждебных краях – это сойти там за своего. И поскольку мы находимся в царстве мертвых, надо вести себя как можно тише и незаметнее, ведь мертвые не шумят и не зажигают фонарей.

И все-таки свет вспыхнул, – Марк не выдержал и направил луч фонаря назад. В образовавшемся световом туннеле мелькнуло что-то бесформенное и тотчас исчезло. Луч сдвинулся в сторону, уперся в скалу, переместился ниже и вытянулся далеко вперед, не встретив преграды. Высветилась маслянистая и черная, как деготь, речная гладь. Вода плескалась всего в нескольких метрах от тропинки, и в ней что-то быстро двигалось, похожее на гигантских змей. Вдруг высунулось наружу узкое и блестящее змеиное тело, сложилось гигантской петлей и вновь ушло под воду, а следом показалась голова, вроде бы тоже змеиная, но с человеческим лицом, какие бывают у утопленников. Божена увидела мутные слепые глаза, распухший нос и синие губы, обьеденные рыбами. Чудовище исчезло слишком быстро, не позволив разглядеть себя как следует, поэтому Божена решила, что все дело в игре воображения, подстегнутого страхами. Любопытной от природы, Блаватской захотелось рассмотреть подводных обитателей. Она вытянула шею и от неожиданности охнула, заметив на берегу женщину зловещего вида, – та стояла, склонившись над водой, и выбирала из сети речных гадов, которых с остервенением швыряла в объемную посудину вроде корыта, стоявшую у ее ног. Черные нечесанные космы скрывали ее лицо, длинное платье намокло от брызг и прилипло к костлявому телу, – ребра выпирали так сильно, что пересчитать их можно было без особого труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.